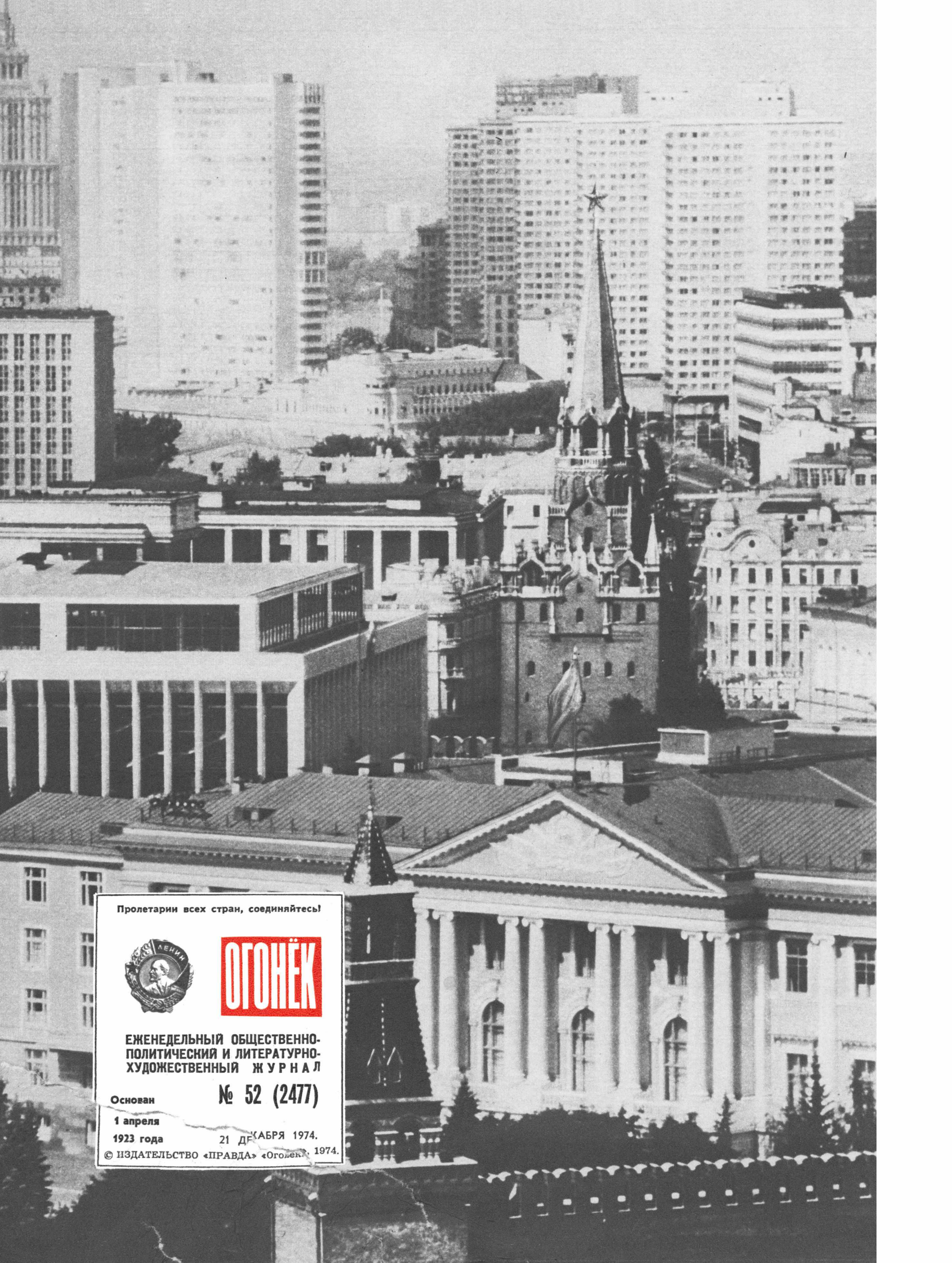

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 52 ДЕКАБРЬ 1974

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
№ 52 (2477)
Основан 1 апреля 1923 года
21 ДЕКАБРЯ 1974.
© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» «Огонёк», 1974.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

О ПЛЕНУМЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

16 декабря 1974 года состоялся очередной Пленум Центрального Комитета КПСС.

Пленум заслушал доклады заместителя Председателя Совета Министров СССР, председателя Госплана СССР тов. Байбакова Н. К. «О Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1975 год» и министра финансов СССР тов. Гарбузова В. Ф. «О Государственном бюджете СССР на 1975 год».

В прениях по этим вопросам выступили: товарищи Щербицкий В. В.— первый секретарь ЦК Компартии Украины, Кунаев Д. А.— первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, Рашидов Ш. Р.— первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, Кэбин И. Г.— первый секретарь ЦК Компартии Эстонии, Аристов Б. И.— первый секретарь Ленинградского горкома КПСС, Расулов Д.— первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана, Викторов А. В.— бригадир слесарей Первого Государственного подшипникового завода, г. Москва, Шеварднадзе Э. А.— первый секретарь ЦК Компартии Грузии, Костандов Л. А.— министр химической промышленности СССР, Ломакин В. П.— первый секретарь Приморского крайкома КПСС, Рябов Я. П. — первый секретарь Свердловского обкома КПСС, Лоцманова Г. П.— монтажница Казанского завода электронных вычислительных машин, Антонов С. Ф.— министр мясной и молочной промышленности СССР.

В заключение на Пленуме выступил с большой речью Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Брежнев Л. И.

Пленум ЦК КПСС принял по этим вопросам соответствующее постановление.

Пленум освободил тов. Демичева П. Н. от обязанностей секретаря ЦК КПСС в связи с переходом на другую работу.

На этом Пленум ЦК КПСС закончил свою работу.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ЦК КПСС

О ПРОЕКТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЛАНА РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР И ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТА СССР НА 1975 ГОД

Одобрить в основном проекты Государственного плана развития народного хозяйства СССР и Государственного бюджета СССР на 1975 год.

ЦК компартий союзных республик, краевым, областным, городским и районным комитетам партии, министерствам и ведомствам, всем партийным, советским, хозяйственным и профсоюзным организациям, руководствуясь решениями ЦК КПСС и выступлениями товарища Л. И. Брежнева по вопросам экономической политики партии, разработать и осуществить конкретные меры по выполнению Государственного плана развития народного хозяйства СССР на 1975 год и заданий девятой пятилетки в целом. Сосредоточить усилия коллективов предприятий, организаций, строек, колхозов и совхозов на всемерном повышении эффективности производства, ускорении технического прогресса, росте производительности труда, быстрейшем вводе новых и лучшем использовании имеющихся производственных мощностей, приведении в действие всех резервов для увеличения выпуска и улучшения качества продукции при одновременном снижении материальных и трудовых затрат.

Пленум ЦК КПСС выражает уверенность, что партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации, все трудящиеся страны широко развернут социалистическое соревнование за досрочное выполнение заданий завершающего года пятилетки, достигнут новых успехов в деле дальнейшего укрепления могущества нашей Родины, неуклонного повышения благосостояния советского народа.

◀ Москва. Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Р. Арисменди и президент АН СССР М. В. Келдыш

Р. Арисменди, его жена Альсира Легаспи де Арисменди и секретарь ЦК КПУ Хайме Перес у Мавзолея В. И. Ленина.

КРЕПЧЕ СТАЛИ, СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

Владимир ТИХМЕНЕВ

Выступая на одном митинге лет шесть назад, товарищ Родней Арисменди произнес несколько фраз, характеризуя коммунистов. Они были воспроизведены на обложках партбилетов Компартии Уругвая. И каждый член этой партии, действуя теперь в глубоком подполье, бережно хранит свой партбилет и руководствуется следующими словами первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Уругвая:

«Мы не являемся сектой или избранной группой заговорщиков; мы рождаемся в рабочем классе и народе, значит, мы простые люди, скромные и веселые, мы любим хлеб и вино, радость жизни, женщин и детей, мир и сердечную руку друга, гитару и песни, звезды и цветы; мы не отщепенцы и не мятежники, не люди, которые пытаются засунуть жизнь в узкие туфли фразеологии, как это делали в старину со своими ногами китаянки. Маркс — наш учитель — повторил, сделав своей, фразу Теренция: «Ничто человеческое мне не чуждо». Именно поэтому мы понимаем великого Ленина, нашего учителя, самого человечного человека, который любил «Аппассионату» Бетховена, но решительно вел корабль революции и был несгибаемым перед врагом.

И именно поэтому мы уважаем скромный героизм повседневной революционной работы и не боимся — поэтому — другой работы, когда приходится терпеть пытки, идти под пули или на смерть».

И правда, дела Роднея Арисменди, многих тысяч других уругвайских коммунистов не расходятся с этими словами.

Товарищ Арисменди рассказывал как-то о том, почему ему удалось вытерпеть в тюремном застенке все пытки: «Я видел, как в тюрьме и под пытками сгибались люди, физически крепкие и лично храбрые. Однако тюрьма кончается, пытки тоже, если не подводит коммунистическое сознание. Сердце убежденного революционера крепче стали и сильнее смерти. Я вспоминаю, как, будучи коммунистом, первый раз оказался в тюрьме. Мне было лет 20, и был я простым парнем, как все. Но я был уверен, что нашим телом распоряжается коммунистическая убежденность, а отнюдь не физическая боль...»

«Нас слишком много, чтобы всех убить!»— подчеркнул товарищ Родней недавно. Мужественная борьба уругвайских коммунистов и их руководителей в условиях подполья и их поведение в концентрационных лагерях и тюрьмах показали, что эти люди действительно крепче стали и сильнее смерти. Орден Октябрьской Революции, которым Родней Арисменди был награжден в 1973 году, является свидетельством признания заслуг этого замечательного революционера.

Роднею Арисменди не случайно присвоено звание почетного доктора исторических наук МГУ имени М. В. Ломоносова, хотя он сам не успел пройти курс наук в университете города Монтевидео. Будучи студентом, молодой Арисменди включился в революционную борьбу, участвовал в организации Красной студенческой ассоциации, затем вступил в партию коммунистов. Пришлось бросить учебу...

Тем не менее он приобрел очень широкую, поистине энциклопедическую эрудицию. Он глубоко знает труды В. И. Ленина, творчески применяет марксизм-ленинизм к конкретной действительности, но тем не менее постоянно обращается к сочинениям Ленина, «советуется с ним».

— Учился я на юридическом факультете, но, став профессиональным революционером,— говорит он,— понял, что без глубокого знания ленинских трудов, политической экономии и конкретной экономики, без изучения философии и истории работать нельзя. Нельзя не знать и опыта КПСС, великой партии Ленина.

Его труды «Проблемы латиноамериканской революции» и «Ленин, революция и Латинская Америка» — глубокие теоретические исследования стратегии и тактики революционного движения в Уругвае и на всем континенте. Эти фундаментальные исследования привлекают пристальное внимание и друзей и врагов. Их глубоко изучают ученые многих стран, ища ответы на сложные вопросы, которые ставит жизнь и освободительное движение на континенте. И очень часто анализ, данный товарищем Арисменди, помогает правильно оценить обстановку, понять тенденции развития социально-экономических процессов.

Множество крупных работ, статей, брошюр и выступлений Р. Арисменди, в том числе прочитанные им лекции в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, МГУ имени М. В. Ломоносова и других советских научно-исследовательских и учебных заведениях, представляют собой серьезный вклад в коллективное научное обобщение накопленного богатого опыта революционной борьбы.

Свою парламентскую деятельность Р. Арисменди начал в 1946 году интерпелляцией против плана Трумэна и милитаризации Латинской Америки. Его речь в палате представителей Уругвая стала ярким обвинительным актом против грабительской политики американских монополий в Латинской Америке и попыток поставить армии континента на службу интересам империализма.

Огромное впечатление на уругвайских трудящихся произвел предложенный депутатом Арисменди законопроект «Об увеличении компенсаций» (пособий по безработице). Закон был утвержден парламентом.

Товарища Роднея Арисменди хорошо знают рабочие мясохладобоен Сэрро и Фрай-Бенто-

са, рабочие-бумажники предприятий Хуан Лакассе, металлисты Ферросмальта и Нервиона, стеклодувы Вид-плана и батраки рисовых плантаций и скотоводческих поместий. Депутат Родней Арисменди много лет активно выступал в парламенте в защиту интересов трудящихся. Он стал инициатором расследования злоупотреблений иностранных мясохладобоен «Свифт» и «Артигас», которое привело к разоблачению махинаций их владельцев и к национализации мясохладобоен.

В 1971 году палата представителей уругвайского парламента торжественно отмечала 25-летие парламентской деятельности Роднея Арисменди, действительно народного трибуна. Газета «Эль Популар» писала в статье «Представитель народа»: «Сотни законопроектов, под которыми стоит его подпись, были выработаны совместно с трудящимися, родились на рабочих собраниях, в плодотворном обмене мнениями с профсоюзными руководителями».

Ни один из буржуазных депутатов не избирался в парламент столько раз, сколько был избран товарищ Арисменди!

Мне довелось в составе одной из советских делегаций посетить Монтевидео. Товарищ Родней повез нас в северную часть столицы, где находятся «кантегрили», так называют уругвайцы с едким сарказмом трущобы, сравнивая их с великосветским отелем «Кантегриль» в Пунта-дель-Эсте, где находятся роскошные виллы и санатории.

В «кантегрилях» живут в основном безработные и мусорщики. Их постоянным домом стали жалкие лачуги, собранные из обломков досок, ржавых листов железа, тряпок и листов шифера. Ни о каком их санитарном благоустройстве не приходится и говорить. Люди живут в глубокой нищете, грязи.

Когда машина остановилась и мы вышли, чтобы поговорить с жителями, к Арисменди обратился пожилой мусорщик, стоявший у своей нагруженной тележки:

— Сеньор депутат, мы просим, чтобы ты выступил в палате в нашу защиту. Живем мы в нечеловеческих условиях, но никто не обращает на это внимания. Мы знаем, что по-настоящему помочь нам могут только коммунисты.

Р. Арисменди стал подробно расспрашивать его и делать пометки в записной книжке. Подобных встреч, характеризующих тесные связи Р. Арисменди с народом, мы видели множество.

27 июня 1973 года правительство Уругвая распустило парламент. Законно избранные представители народа потеряли возможность его представлять...

С начала мая 1974 года уругвайская реакция держит в заключении первого секретаря ЦК Коммунистической партии Уругвая товарища Роднея Арисменди. Все попытки состряпать судебное дело против него провалились. И это понятно, Родней Арисменди — человек великой принципиальности и большой честности. Его слишком хорошо знают трудящиеся, народ Уругвая, коммунисты всех стран, прогрессивная общественность мира. Слишком широка кампания солидарности с этим мужественным борцом за лучшее будущее своего народа, за единство рабочего класса, за сплоченность мирового коммунистического движения. И эта международная солидарность вместе с активной борьбой масс трудового народа Уругвая, объединенных в рядах запрещенного, но активно действующего Национального конвента трудящихся, заставляет правящие круги Уругвая быть осторожными по отношению к Роднею Арисменди, не злоупотреблять силой, не идти на крайние меры, соблюдать хотя бы видимость законности.

Несмотря на запрещение властями деятельности Компартии Уругвая и других антиимпериалистических и демократических партий и групп, борьба прогрессивных сил страны против реакции усиливается. В результате широких народных выступлений внутри страны и солидарности во всем мире недавно был освобожден из тюрьмы президент исполкома Широкого фронта Уругвая генерал Либер Сереньи, видный руководитель прогрессивных сил.

Советские люди, как и трудящиеся Уругвая, всех стран мира, решительно требуют освобождения Роднея Арисменди, руководителя уругвайских коммунистов, видного ученого и народного трибуна.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ

Владимир **НИКОЛАЕВ**

Недавние переговоры в Рамбуйе между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и президентом Франции Жискар д'Эстэном прошли в рамках рабочей встречи, но, несмотря на это, атмосфера там царила не только деловая, но, я бы сказал, дружелюбная и приподнятая. Это отмечали освещавшие встречу корреспонденты со всего мира (а их набралось более трехсот), и один из них назвал царившее там настроение «духом Рамбуйе». Если же оглянуться на несколько лет назад, то можно без труда заметить, что такой же дух, плодотворная атмосфера сотрудничества проявляются со все большей силой во встречах на высшем уровне с участием Советского Союза.

Во многих конкретных делах успешно претворяется в жизнь великая Программа мира, принятая XXIV съездом КПСС. В этом мирном наступлении встречи на высшем уровне с участием нашей страны являются эпохальными вехами, отмечающими успешное продвижение вперед. Сегодня такие контакты, может быть, несколько утратили элемент сенсационности, но, что гораздо важнее, приобрели характер самый конкретный, деловой, стали традиционными. Четко наметилась и преемственность политики разрядки и сотрудничества между странами с различными социальными системами. Как известно, еще до встречи в Рамбуйе советские руководители встречались с новыми руководителями ФРГ и США — канцлером Г. Шмидтом и президентом Дж. Фордом. Жискар д'Эстэн, заняв пост президента Франции, заявил о курсе на последовательность и преемственность политики сотрудничества с Советским Союзом. Успешно завершившаяся встреча в Рамбуйе еще раз доказала, что как у советской стороны, так и у французской слова не расходятся с делом.

Дальнейшее развитие советско-французских отношений тем более знаменательно, что именно Советский Союз и Франция первыми подали конкретный пример того, как могут сотрудничать государства с разным социальным строем. Этот пример оказал благотворное влияние на всю международную жизнь, открыл первую страницу в разрядке напряженности, которая ныне стала реальной и могучей силой, оказывающей влияние на современную историю. Именно эта совместная советско-французская политика стала во многом исходным фактором перестройки отношений между странами Востока и Запада на принципе мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Именно эта политика послужила основой, на которой затем стали строиться отношения между СССР и США, СССР и ФРГ и другими западноевропейскими государствами, стали строиться отношения между капиталистическими и социалистическими странами.

Встреча между Л. И. Брежневым и Жискар д'Эстэном уже вошла в историю, но результаты ее продолжают оживленно обсуждаться. Безусловно, пишет французская «Журналь дю диманш», между Францией и Советским Союзом существуют тесные и даже привилегированные отношения, установившиеся уже давно. Но никогда франко-советская встреча не имела такого яркого характера и не вызывала такого отклика, как та, которая только что завершилась. «Самым значительным из когда-либо заключавшихся двусторонних экономических соглашений» называет орган французских финансовых кругов «Нуво журналь» подписанное в Рамбуйе Л. И. Брежневым и В. Жискар д'Эстэном соглашение об экономическом сотрудничестве между двумя странами на период 1975—1979 годов.

И французское и мировое общественное мнение почти единодушны в позитивной оценке встречи в Рамбуйе и справедливо расценивают ее как новый значительный вклад в разрядку международной напряженности. Но, к сожалению, есть еще определенные круги, пытающиеся повернуть время вспять, тоскующие по «холодной войне» и потому препятствующие развитию взаимопонимания и сотрудничества между народами. В дни визита Л. И. Брежнева во Францию мне довелось не только непосредственно ощущать «дух Рамбуйе», но и наблюдать, как омерзительно и жалко выглядели фашистские молодчики из крохотной, но гремящей, как пустая бочка, подрывной организации. В бессильной ярости они пытались хулиганить перед представительством Аэрофлота в самом центре Парижа, на Елисейских полях. И надо было видеть возмущение и гнев парижан, ставших свидетелями этой грязной вылазки, правда, вовремя пресеченной властями.

Разумеется, эти подонки не делают сегодня погоды. Но есть до сих пор и в высоких политических сферах Запада силы, противоборствующие процессу разрядки напряженности. На пути к миру и сотрудничеству народов есть и сегодня вопросы, требующие решения, есть и определенные сложности, которые предстоит преодолевать. Но тенденция развития международных отношений выражена ныне вполне определенно: тают льды «холодной войны», развивается деловое сотрудничество между капиталистическими и социалистическими странами, в норму международных отношений превращается принцип мирного сосуществования стран с различными социальными системами.

Такая тенденция является объективной необходимостью, с которой не могут не считаться те, кто формирует внешнюю политику на Западе. А цели внешней политики Советского Союза ясны и определенны. «Нет цели более важной и благородной, чем обеспечить чистое, мирное небо над всей нашей планетой,— говорил Л. И. Брежнев на обеде во дворце Рамбуйе.— Во имя этого не жаль никаких усилий, никаких трудов».

Нет, многовековая цивилизация на нашей прекрасной, зеленой и голубой планете создана не для того, чтобы быть развеянной в прах атомным вихрем. Народы всех стран могут и должны жить в мире и согласии. Это историческая необходимость, закономерность.

С. КАЛИНИЧЕВ

Фото Н. Козловского
и Фотохроники РАТАУ.

...Пройдет немного дней — и будет сорван последний листок календаря. Но в чувствах, мыслях мы долго еще будем жить семьдесят четвертым, да и материальный мир вокруг нас не однажды напомнит о нем: вот какой он был, определяющий год пятилетки.

Для украинского крестьянина семьдесят четвертый останется особенно памятным — поистине полной драматизма была борьба его за большой хлеб. Стояли бесснежная зима и ледяной май, многомесячная засуха без единой росинки и злые дожди, которые лили не там, где их просят, а там, где косят. Но удивительное дело: чем больше препятствий вставало перед хлеборобами, тем сильнее был их порыв в стремлении переупрямить природу. Борьба за второй украинский миллиард стала общенародной. Рабочие промышленных предприятий за короткий срок изготовили и смонтировали 1 700 механизированных зерноочистительных токов с поточными линиями, в полтора раза увеличили поставки минеральных удобрений. Только за счет досрочной поставки в нынешней жатве принимали участие 11,3 тысячи мощных комбайнов «Нива» и «Колос».

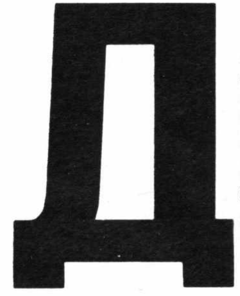
Огромную роль сыграл широкий и умелый маневр техникой, кадрами лучших механизаторов, взаимная помощь районов, областей, братских республик. В Запорожскую область, например, в разгар уборки прибыли колонны автомобилей из Киевской, Ровенской, Львовской, Сумской областей. Позже не одну тысячу километров наездили по дорогам других областей запорожские водители.

В битве за второй миллиард с огромной силой проявились патриотизм советских людей, их чувство высокого долга перед Родиной, огромная организаторская и политическая работа партийных руководителей.

Комбайнер Иван Данилович Шик и его помощник младший сын Николай.

ПОДВИГ УКРАИНСКИХ

ПИСЬМО

Далеко от дома служит в Советской Армии Василий Шик. Он один из героев борьбы за первый украинский миллиард. Нынешней осенью Василий получил посылку из родной Волновахи, Донецкой области. Вместе с друзьями вскрыл ящик, а в нем, кроме обычных домашних гостинцев, булки из пшеницы нового урожая.

Отец писал, что в нынешнем году их комбайн работал не хуже прежнего, а помощником комбайнера вместо Василия теперь был его младший брат, Николай. «Трудно ему,— писал отец,— но старается заменить тебя достойно, от души мне помогает».

Солнечный привет родных полей взволновал не только Василия, но и его товарищей по службе. Каждый счел нужным отщипнуть кусочек булки, словно причащался к золотой ниве, на которой до службы в армии работал их друг. О многом вспомнили солдаты. Вспомнили и о том блокадном кусочке хлеба, что хранят ленинградцы в музее. И, конечно же, ушло из воинской части письмо, полное душевных приветов солдатам битвы на мирных хлебных полях.

Узнав о том, что его посылка вызвала такой интерес у сына и его сослуживцев, Иван Данилович Шик выбрал время и описал Василию события нынешней жатвы.

«...Уборку вели четырнадцатью комбайнами,— подробно, не упуская детали, отписывал отец.— Работа была жаркая. Первые намолоты порадовали: каждый гектар дал в среднем 40 центнеров пшеницы. За весь период страды получили чуть больше — 42,7 центнера на круг. Обязательство тоже выполнили. Часть хлеба продали в счет завершающего года пятилетки.

Ну, а что касается рекорда, то здесь заслуга не только моя, но и Колькина. В то погожее июльское утро мы обсудили телеграмму Леонида Ильича Брежнева в адрес ростовских механизаторов. Пом-

ХЛЕБОРОБОВ

нишь моих бывших учеников — комбайнеров Василия Бойко и Ивана Николенко? Они так и сказали: «Померимся силами с ростовчанами». Пока солнышко подсушивало пшеничный массив, мы отрегулировали СК-4, «Сибиряк» и «Колос», заправили баки топливом и еще раз проверили места возможной утечки хлеба. Все началось на том девятом поле — ровном, чистом... Где-то к обеду так прижарило солнце, что невмоготу стало. Смотрю на своего Кольку, а он, как после бани,— разморенный, пот градом льет. Но держится. Сменялись почти через каждые два часа. Стратегию уборки применили такую: шли группой, выгружали зерно на ходу, обедали без остановок машин, делали получасовую профилактику технике. Хлебный поток был такой, что знакомые тебе водители Виктор Гончаренко, Василий Цыбулько и Виктор Кошевец едва успевали отвозить зерно от комбайнов. К двум часам ночи подвели итог. Ренорд! Николенко выдал из бункера «Колоса» 1 300 центнеров зерна, Бойко на своем «Сибиряке» намолотил 1 500, а я с Кольной — 2 017».

...Жатва. Страда. Это всегда трудный, но и радостный праздник. 22 июля комбайнеры из колхоза «Прогресс», Приморского района, Запорожской области, Леонид Иванович и Никита Николаевич Тафровы за 21 час скосили комбайном «Колос» 50,4 гектара пшеницы, намолотив 2 612 центнеров зерна. Их приветствовали Центральный Комитет Компартии Украины и Совет Министров УССР. Были в этом приветствии комбайнерам Тафровым такие строки: «Нет сомнения, что ваш трудовой подвиг и опыт станут достоянием многих областей республики, будут способствовать проведению жатвы в сжатые сроки и без потерь».

Так оно и было. Комбайнер из Криничанского колхоза имени XX съезда КПСС, Днепропетровской области, Герой Социалистического Труда Андрей Авдеевич Дяченко за 19,5 часа убрал пшеницу с 59 гектаров и намолотил 2 480 центнеров зерна. Комбайнеры Г. Снежко и Б. Бутков из Изюмского района, Харьковской области, изо дня в день убирали по 30—40 гектаров хлебов, намолачивая при этом по тысяче — тысяче шестьсот центнеров зерна. Радио, телевидение, газеты — от колхозных многотиражек и до «Правды Украины» — каждый день сообщали новые имена героев жатвы на полях республики.

И вот накануне всенародного праздника Великого Октября Украина преподнесла Родине весомый подарок — государству был продан один миллиард два миллиона пудов хлеба!

Но сколь нелегким и героическим был путь ко второму миллиарду...

БУРЯ

Он знал, что и сегодня рассвета не будет. Шестые сутки длилась ночь, хотя Приморское расположено не где-нибудь за Полярным кругом, а у самого берега Азовского моря. На улице бесновалась черная буря. Шестые сутки подряд.

«Но когда-нибудь это кончится!» — в отчаянии думал Евгений Васильевич. Прикрыл двери в комнаты, чтобы домашние не слыхали, как он собирается. Укутал лицо шарфом до самых глаз и вышел.

Было утро восьмого марта. Первый секретарь Приморского райкома партии Евгений Васильевич Тиховод решил объехать в тот день несколько хозяйств, чтобы поздравить женщин с праздником.

Проезжая мимо тракторно-полеводческой бригады совхоза «Приморский», он решил, что заблудился. Ни мастерских, ни столовой, ни фруктового сада... Холмы да кустики. Подъехал ближе и все понял: занесло. То и дело приходилось объезжать земляные валы, перегородившие дорогу.

Остановился у ферм колхоза «Родина», размотал шарф и сразу почувствовал, как больно секут по лицу песчинки и камешки. С большим трудом открыл дверь. В коровнике была полутьма: электрические провода оборваны ветром. Постоял минуту, чтобы сосредоточиться, найти нужный тон и нужные слова.

— Буря нас в первый день напугала,— говорили доярки.— Теперь привыкать начинаем...

Возвращаясь в райцентр, он остановил машину на степной дороге. Это было на полях совхоза «Ногайский».

Евгений Васильевич пошел по озими. Вернее, по тому, что от нее осталось. Шел, сжав зубы: повсюду черные сугробы...

Осенью все сделали. Вот на это поле раз пять выводили машины. Нянчили его. Пестовали. Лущили и культивировали, чтобы сохранить влагу. В лучшие сроки и лучшими семенами засеяли. Как люди работали! Как верили: если отдать душу земле, то она отблагодарит урожаем!

Из семисот гектаров озимых в совхозе «Ногайский» выстояли двести, в совхозе «Приморский» сохранилась половина озимых посевов. С одного отделения, чтобы откопать постройки, пришлось вывезти три с половиной тысячи тонн грунта. Такая же картина была и в других хозяйствах на юге Запорожской области. И в Донецкой, в Херсонской и в других областях. Поднятая с полей пыль долетала до Киева.

В райкоме партии Евгений Васильевич разбирал почту, вызывал людей. В это время позвонил председатель колхоза «Аврора» Павел Иванович Тимофеев. Он спросил:

— Темно у вас?

— При лампе работаю,— ответил Евгений Васильевич.

— Догадываюсь. И вот решил пригласить вас на кусок чистого неба.

— Чего-то не понимаю, Павел Иванович...

— А вы подъезжайте, надо мной небо светлое!

Колхоз «Аврора» расположен в районе Корсак-Могилы — самой

Полновесный колос — символ самоотверженного труда хлебороба.

высокой точки в районе. Он сильнее других страдал от черных бурь.

Несколько лет назад Тиховод возглавил борьбу против ветровой эрозии. Он мобилизовал специалистов на разработку многолетнего плана, который включает весь комплекс мер, способных победить черную бурю. Механизаторы учились обрабатывать почву без глубокого рыхления, создавать такую поверхность, которая притормаживала бы воздушный поток. Все поля разбили на квадраты и стали обсаживать их защитными — обязательно продуваемыми — посадками. Выкопали десятки прудов, взялись за расчистку почти умерших речек Обиточная и Лозоватка. В совхозе «Приморский» появилась возможность орошать тысячу гектаров пашни! И вот теперь, когда до выполнения многолетнего плана осталось каких-нибудь два-три года, рухнули все надежды.

...Евгений Васильевич не заметил, как водитель увеличил скорость. Через несколько минут посветлело. Возле правления колхоза «Аврора» его встретил улыбающийся Тимофеев.

Да, в «Авроре» было светло! Гудел где-то в вышине ветер, гнал стороной гряды пыльных туч, а район Корсак-Могилы оставался вроде под колпаком. Авроровцы первыми в районе закончили многолетний план борьбы с ветровой эрозией. И то, что над ними было сегодня светлое небо, результат их хлопот.

— Ну, спасибо! Утешил... Ты мне теперь как документ нужен! — улыбнулся Евгений Васильевич. — Ваша «Аврора» — луч света в темном царстве!

После черной бури Тиховод снова приехал в совхоз «Приморский». Директор Федосей Алексеевич Панченко и главный агроном Николай Васильевич Сидоренко уже были в полях. В кабинете директора в ящичках, горшочках, газетных свертках — всюду лежали образцы растений и почв со всех полей. В тот день был поставлен диагноз. «Заседала» на колесах, разъезжая по полям, авторитетная комиссия: решала, какие поля оставить.

— Мы поработали на совесть, — говорил заслуженный агроном республики Н. В. Сидоренко. — Как предписывает наука и наш опыт. После этого земля просто не может не отдать хотя бы минимум...

Партийная организация района вела наступление по многим направлениям. Во всех хозяйствах были созданы кукурузоводческие звенья. Их возглавили самые опытные механизаторы — каждого персонально утверждало бюро райкома партии. И первым утвердили лучшего комбайнера из совхоза «Ногайский», члена бюро райкома Александра Борисенко. А в мае прошли хорошие дожди! И каждая капля упала на благодатную почву. В июне поля уже выглядели, как ухоженные грядки. Посмотреть на кукурузные поля приморцев приезжали специалисты из других районов и областей.

— Если чего недоберем на колосовых, кукуруза наверстает, — говорили в ту пору на совещаниях.

Но ни в июне, ни в июле не упало с неба ни капли.

Жатва колосовых заставила забыть на какое-то время о невзгодах. Вывел свою «Ниву» и Александр Борисенко. Комбайны увязали в хлебах! Ячмень, которым пересеяли погибшую пшеницу, давал по тридцать — сорок центнеров с гектара. Пшеница, где она устояла в бурю, дала по всей площади сорок шесть, а в совхозе «Приморский» — почти по пятьдесят шесть центнеров с гектара! Это в среднем. На отдельных же полях урожай был еще выше.

Однажды, проезжая полевой дорогой, секретарь райкома Тиховод увидел Борисенко. Тот стоял на краю кукурузного поля. Именно этим полем любовались летом специалисты. Теперь сколько глаз хватало убегали ряды обгоревших стеблей: солнце сожгло кукурузу. Часть скосили на корм, некоторые участки дали зерно. Евгений Васильевич вышел из машины, кивнул комбайнеру вместо приветствия и остановился. Так молча они и стояли рядом, почти ровесники—секретарь райкома и комбайнер. Оба мужали в годы пятилеток, оба привыкли полагаться больше на свои силы и силы науки, нежели на погоду. Но тут непогода оказалась сильнее.

Особенно переживал комбайнер Борисенко. Многое было ему дано: коммунисты избрали его членом бюро райкома партии, правительство наградило орденом Ленина и двумя орденами Трудового Красного Знамени. Ему дали технику, удобрения, лучшие сорта семян... И вот вместо поля — погост...

Евгений Васильевич положил ему на плечо руку и сказал:

— Не падай духом. Ты сделал все, что мог. А теперь готовь комбайн, поедешь во Львовскую область помогать убирать хлеб.

...Несколько недель назад в приемной Е. В. Тиховода я снова услыхал:

— Зеленя такие—прямо ковер!

— Только дождь им нужен. Или мороз, чтобы рост остановил. А то пропадут без влаги. Жалко будет. Я таких богатых всходов еще не видал.

— Да, сухая земля.

Я спросил у Евгения Васильевича, что за люди сидели у него в приемной. Он сказал:

— Товарищи из райсобеса, из хлебопекарни. Сейчас все стали хлеборобами! Слова Леонида Ильича Брежнева о том, что миллиард пудов проданного государству зерна должен стать ежегодной нормой для украинских хлеборобов, всколыхнули всех. Если семьдесят третий год показал, что наша земля может дать такой урожай, то семьдесят четвертый убедил: мы должны брать такой урожай!

Евгений Васильевич Тиховод беседует с механизаторами совхоза «Приморский».

МАНЕВР

...Хозяйство тракторной бригады — несколько строений: мастерская, навесы, кузня, столовая. На вопрос: «Где сейчас Иван Тимофеевич?» — бригадир ответил: «Я сегодня его молотобойцем поставил. А что, позвать?»

Я вначале удивился. Одного из лучших комбайнеров в республике, Героя Социалистического Труда, механизатора экстра-класса — и вдруг используют в качестве... молотобойца.

В полутемной кузне струились языки искристого пламени. Увидев вошедшего со мной парторга, кузнец ловко сунул заготовку в жар, подняв снопы искр, а молоток плашмя положил на наковальню.

— Вот это и есть наш герой, Иван Тимофеевич Фандей, — сказал парторг, показывая на молотобойца.

— Это что же, еще одна ваша профессия? — кивнул я на горн и молот.

— Профессия у меня одна, — с доброй улыбкой на полном лице ответил Иван Тимофеевич, — механизатор. Это значит член бригады. А в бригаде мы все делаем сами. И куем, и варим, и технику ремонтируем, и с помощью этой техники за посевами ухаживаем. Вот такие, значит, пироги.

Потом мы сидели с Иваном Тимофеевичем в горнице его просторного пятикомнатного дома, и он не спеша рассказывал о своем житье-бытье. А оно, это житье-бытье, с какой стороны ни посмотри, связано с хлебом.

...Уже в конце мая стало очевидно, что жатва будет не совсем обычной. Урожай обещал быть хорошим, а если не случится никаких стихийных потрясений, то и отличным. Как его убрать за 10—12 дней?

Июнь — время горячее. И фрукты поспевают, и уход за поздними культурами надо обеспечить, и овощи нельзя погубить: одни — собрать, переработать, вывезти в город, а другие — полить. Да и для колхозных строителей это самая благоприятная пора. Куда ни повернись, везде нужны люди, транспорт.

— И все же главные силы — хлебу, — говорил на совещании первый секретарь Павлоградского райкома партии Владимир Матвеевич Молодан. — Надо мобилизовать как можно больше автомашин... В пределах разумного, конечно. Нужно обратиться к промышленным предприятиям... Помогут. Рабочий класс всегда помогал крестьянину, так сказать, союз серпа и молота...

Перед ним сидел весь актив — председатели колхозов, агрономы, механики, работники районных организаций. Как перед генеральным наступлением рассматривали они карту района, прикидывали возможности каждого комбайна, распределяли транспорт, старались предугадать, где могут быть заторы, и, чтобы их предупредить, тут же решали, кого из коммунистов туда послать. В общем, модель жатвы, если можно так выразиться, была готова заранее.

И все же не сходились концы с концами — не хватало людей. Решили через районную газету и по радио обратиться за помощью ко всем бывшим комбайнерам и механизаторам. На призыв откликнулись многие. Один работал когда-то трактористом, потом стал инженером, другой по семейным обстоятельствам переехал жить в город и сменил профессию, третий ушел на пенсию, но еще не разучился держать в руках штурвал... В общем, каждый день в райком партии приходили добровольцы, звонили, предлагали свою помощь.

И все же комбайнеров не хватало. Особая это профессия...

...Колхоз имени Дзержинского. Идет бурное собрание, толкуют о том же, что и в райкоме партии. И главная проблема та же: где взять столько комбайнеров? И вдруг голос с места:

— Ладно уж... Запишите и тот комбайн на меня. Я двумя управлять буду. Не бойтесь, скидок просить не стану, выработаю на нем, что положено, не хуже других.

Это сказал Иван Тимофеевич Фандей.

Зал растерянно молчал. Столя-

Вот он, каравай из нового урожая.

ренко, председатель колхоза, поднял очки на лоб, посмотрел внимательно туда, где сидел Фандей, и сказал:

— Спасибо тебе, Иван Тимофеевич. Только... Сам понимаешь: комбайн не лишняя борона, которую можно прицепить. Ты все же объясни, как собираешься работу строить.

— Ну, смотрите же... Дело ясное.— Иван Тимофеевич встал и, не выходя на сцену, стал пояснять:— Я работаю обычно с помощником. Как и другие. Какая главная задача комбайнера?— спросил и сам же ответил:— Наладить машину, отрегулировать, устранить потери. И если что случится, быстро починить. А когда все налажено, то за штурвалом и помощник может стоять. Мы с ним попеременно... А я возьму двух помощников и буду подменять то одного, то другого. Ну, а регулировка машин, обеспечение их исправности — моя забота.

...После собрания товарищи по бригаде добродушно подтрунивали над ним. Глядя на плотную, где-то в пределах центнера весом фигуру Ивана Тимофеевича, шутили: «Придется тебе похудеть, Фандей...»

Но в том, что он справится, никто не сомневался.

Более десяти раз доверяли ему обкатку комбайнов, предназначенных для работы на целине. Привезут весной новенькую машину прямо с завода. Стоит она как необкуренная трубка, о которую и губы поранить можно. Доверь такую машину человеку неопытному — он, как говорится, немало дров наломает.

Иван Тимофеевич надевает засаленную куртку и недели две не отходит от машины. Охаживает новый комбайн, «как родного». Все до болтика своими руками переберет, подгонит, закрепит, отрегулирует. А наступит жатва — у него ни одной поломки в горячее время.

И в этом году Иван Тимофеевич работал так, как подобает герою. Павлоградский район в нынешнем году при плане 61 тысяча тонн продал государству 103 610 тонн — больше, чем иные области. И в этом — большая заслуга мастера широкого маневра Ивана Тимофеевича Фандея.

— Как на фронте,— почему-то с виноватой улыбкой вспоминает он,— как в наступлении...

...Как в наступлении! Фронтовые ассоциации одолевают, когда вспоминаешь героическую битву за второй украинский миллиард.

Жатва-74 на Украине отличалась массированным применением тщательно подготовленной техники, оперативным и стратегическим маневром. Бригада «Огонька» побывала в августе на Винничине. Мы видели целые вереницы комбайнов, идущие по дорогам,— на помощь в соседний колхоз, район или к железнодорожной станции для переброски в другую область. Уборочная техника— десятки тысяч машин — широким фронтом перемещалась с юга на север и с востока на запад республики.

— У нас от жары свекла в земле увядала,— рассказывал мне Александр Борисенко из приазовского совхоза «Ногайский»,— а прибыли на Львовщину — там дожди всех повымотали. Час убираем — два дня под дождем мокнем. Колеса комбайна тонули в размокшем грунте. Да что колеса! Были участки, где телефонные столбы падали: размокшая земля их не держала. Дома я за сутки по сто и больше тонн зерна намолачивал, а там три тонны, пять тонн...

— Стоило ли ехать? — спросил я.

— Стоило,— ответил он серьезно.— Может быть, без этих самых трудных пяти тонн и украинского миллиарда не было бы.

* * *

На широких полях Украины чутко спят заботливо ухоженные озимые. Все помыслы хлеборобов — о новом урожае завершающего года пятилетки, урожае-75. О том, с каким настроением трудятся они в эти дни, прекрасно сказал член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Коммунистической партии Украины тов. В. В. Щербицкий: «Каждая победа окрыляет, придает новые силы и уверенность в будущих успехах. А победа, одержанная дважды, добавляет сил и энергии вдвойне. Вот почему второй украинский миллиард пудов хлеба — это не только сегодняшнее достижение, это и дума о завтрашнем дне, о ежегодном миллиарде пудов хлеба Украины».

НАШ ОТЧЕТ НАРОДУ

Н. ТОМСКИЙ,
президент Академии художеств СССР,
народный художник СССР,
Герой Социалистического Труда

«Летопись народной жизни»— такую высокую оценку дали многочисленные зрители выставке произведений членов Академии художеств СССР. Это был самый крупный отчет о творчестве лучших мастеров советского изобразительного искусства, посвященный двадцатипятилетию преобразования Всероссийской Академии художеств в Академию художеств СССР.

Многие произведения, представленные на этой юбилейной выставке, давно и хорошо известны, любимы и популярны в народе. Некоторые из них стали подлинным символом эпохи, грандиозных свершений Страны Советов, обобщенным образом героев революции, гражданской и Великой Отечественной войн, мирных, созидательных пятилеток. Разнообразие и богатство стилей, оригинальность живописного и пластического языка, широта мышления, жизнеутверждающий пафос, ощущение пульса времени, глубина и искренность художественного постижения жизни отличают работы академиков. Вспоминаются слова Веры Мухиной, автора знаменитого монумента «Рабочий и колхозница», ставшего подлинным памятником победившему социализму: «Наша великая, суровая эпоха обязывает нас, художников, особое внимание обратить на героический портрет: он является не только увековечением человека в людской памяти, но и служит примером и фактором воспитания. Человеку свойственно не только преклоняться перед великим, но и стремиться превзойти его. Эта жажда «большого» и «лучшего» есть тот великий двигатель человечества, который ведет его к прогрессу и свету». И затем, касаясь проблем монументального искусства, добавляла, что оно «должно быть современным и реалистичным, оно поднимает конкретные факты, живые явления и типы на громадную принципиальную высоту, оно видит в них отражение героических дней и событий, и, переживая их, истинный художник не может творить хладнокровно. Искусство наших дней должно быть вдохновенным!» В этих словах замечательного мастера как бы сформулированы суть и значение показанных сейчас произведений.

Об огромном успехе, который вызвала экспозиция, о кровной заинтересованности нашего народа в развитии живописи, скульптуры, графики, декоративно-прикладного и монументального искусства свидетельствует хотя бы тот факт, что выставку, демонстрировавшуюся в Москве и Ленинграде, посетило более восьмисот тысяч зрителей. Вот несколько записей из книги отзывов: «Впечатление огромное. Когда смотришь на такие произведения искусства, сам становишься лучше, человечнее, и хочется быть людям хоть чем-то полезным, заряжаешься определенной энергией на будущее...» «Как ярко, полнокровно представлена жизнь народа. Какая гордость за наши свершения наполняет сердца!» Выставка — «великолепное олицетворение великого превосходства и жизнеутверждающей силы советской культуры». «Перед такими картинами хочется стоять долго, читать их, как большую интересную книгу»,— пишут ветераны войны, рабочие, инженеры, юристы, врачи, учителя, студенты — люди разных профессий, судеб, возрастов. Их живое участие, признание и поддержка — самая высокая награда художникам. Она дает глубокую уверенность в правильности избранного пути, на котором звездой и ориентиром служат идеи партийности и народности, определяющие метод социалистического реализма.

И конечно, самым волнующим был для нас тот ноябрьский день, когда с юбилейной академической выставкой знакомились руководители партии и правительства. В гости к художникам в Центральный выставочный зал столицы пришли люди, которые любят и интересуются искусством, заботятся о его развитии и процветании. Это была замечательная встреча — дружеская, сердечная, без какой-либо парадности и официальности.

Руководители партии и правительства внимательно и подробно осмотрели экспозицию. Многие работы и их авторов они уже хорошо знали. В некоторых залах подолгу останавливались, знакомились с мастерами, которые присутствовали на этой встрече. Возник непринужденный обмен мнениями, состоялся искренний, доброжелательный и в то же время ко многому обязывающий художников разговор, в ходе которого шла беседа об огромной воспитательной роли искусства и его значении в жизни народа.

Член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС товарищ М. А. Суслов дал высокую оценку экспозиции и отметил, что она ярко отражает богатство тематики живописи, графики, скульптуры, многообразие стилей, создающее гармонию нашего социалистического многонационального искусства. Он подчеркнул, что произведения академиков воодушевляют и одухотворяют человека, рождают чувство прекрасного, дают эстетическое наслаждение.

Хорошо известны имена тех, кто стоял у истоков искусства социалистического реализма. Завещанные ими высокие творческие принципы развивают сегодня их замечательные последователи. Этому могучему искусству, сказал товарищ М. А. Суслов, принадлежит настоящее, ему принадлежит и будущее.

Такая высокая оценка, которую руководители партии и правительства дали творчеству академиков, вдохновляет и окрыляет нас и в то же время заставляет еще серьезнее задуматься о дальнейших путях развития нашего советского изобразительного искусства. В начале декабря состоялись заседания отделений Академии художеств, посвященные этому важнейшему вопросу. И в первую очередь — повышению мастерства молодых художников, совершенствованию художественного уровня выполняемых произведений.

Изобразительное искусство — это один из самых сложных видов творчества. Оно требует добросовестности, полной отдачи, умения, постоянного самосовершенствования. Иначе образ не получит нужного звучания, замысел окажется невыраженным, даже искаженным. Именно поэтому вопрос о мастерстве стал сейчас ведущим в нашей художественной практике.

Грандиозные научные открытия XX века, достижения в освоении космоса, в развитии техники, промышленности, подлинный расцвет всеобщей культуры расширяют горизонты наших знаний о мире, природе, развивают не только интеллект, но и пробуждают в человеке все лучшее, передовое, гуманное, преображают его, делают интересней, краше.

Греки больше всего уделяли внимания красоте и гармонии человеческого тела. Наше искусство, развиваясь во времени, должно найти такой пластический и живописный язык, обладать такими силами и мастерством, чтобы показать не только внешний облик советского человека, но главным образом — благородство, внутреннюю необходимость претворять в жизнь коммунистические идеалы, устремленность в будущее, готовность служить народу и Отечеству.

К сожалению, появляются иногда вещи, в которых предлагаются зрителю упрощенные решения художественных образов, и человек — герой произведения превращается в некий знак, бездушное существо. Порою персонажи, избранные художником для своих картин, графических листов, скульптур, бездействуют, являют собой трагическую отчужденность, пассивность, равнодушие.

Человек, изображенный схематически, не может пробудить стремление к прекрасному, к созиданию во имя светлого будущего.

В том-то и состоит великое предназначение искусства, чтобы влиять на умы и сердца зрителей, помогать раскрыться духовным и творческим силам, заложенным в человеке, призывать к осуществлению мечты нравственной, гуманистической. Этого нельзя добиться без высокого профессионального уровня, таланта, ответственности перед страной и народом.

Академия художеств СССР придает огромное значение воспитанию своей будущей смены — молодых живописцев, скульпторов, графиков, нового поколения художников декоративно-прикладного искусства, театра и кино. Совместно с Союзом художников СССР мы провели объединенную сессию, посвященную воспитанию художника-гражданина.

Мне часто приходится встречаться с передовиками производства, тружениками села, лучшими представителями нашей советской интеллигенции. Это замечательные люди, отдающие все силы, все богатство души Родине, обществу, народу. И порой за вроде бы обычной внешностью кроется столько творческой активности, столько мудрости, что каждый раз передо мной да и перед всеми художниками встает проблема, как раскрыть все богатство духовного мира советского человека. Гораздо проще схватить и запечатлеть внешне колоритное, выразительное, что есть в облике. Но в том-то и состоит наша первостепенная задача, чтобы выявить самое тонкое, человеческое, передовое в характере, показать широко и полно подлинных героев жизни, самоотверженных тружеников-созидателей, обладающих высокими нравственными качествами. Здесь художнику должно помочь мастерство и его собственная убежденность в том, что необходимо знать, чувствовать и осмыслять многообразие жизни, раскрывать ее смысл и поэзию.

В следующем году состоятся большие Всесоюзные выставки — «Слава труду» и экспозиция, посвященная тридцатилетию Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Сейчас первостепенная задача всего нашего изобразительного искусства, всех художников — как можно более достойно участвовать в этих выставках, представить произведения, которые в совершенной художественной форме расскажут о героическом подвиге нашего народа в войне с фашистской Германией и мирном социалистическом строительстве, полном труда, творчества, дерзания.

Все свое мастерство, весь опыт Академия художеств СССР приложит к тому, чтобы советское искусство глубоко и верно отразило дела и свершения советского человека.

Ю. Непринцев. МОЛОДОСТЬ МИРА.

Выставка произведений членов Академии художеств СССР.

Ф. Решетников. ПРИБЫЛ НА КАНИКУЛЫ.

Выставка произведений членов Академии художеств СССР.

Добрый след на земле... Он остается от каждого человека, кто вкладывает в свое дело все силы, всю душу... Именно такой след — за спиной известного на всю нашу страну организатора виноградарства и виноделия Николая Константиновича Соболева. Где только, в каких краях советской земли его натруженные, узловатые руки с величайшей бережностью не прикасались к заветным лозам! Земля родного Крыма, виноградники всемирно известной «Массандры», новороссийские плантации знаменитого «Абрау-Дюрсо», древние лозы Молдавии и привольные просторы Дона...

Совсем еще юный Соболев стал руководителем крымского виноградарского совхоза имени Софьи Перовской. Затем его назначили директором прославленной «Массандры».

...Война. Николай Константинович в тяжелейших условиях эвакуирует людей винодельческого комбината, спасает ценности «Массандры», а сам идет на фронт, который уже совсем рядом, и мужественно сражается в рядах защитников героического Севастополя. С первого и до последнего дня обороны.

...Донское виноградарство, как известно, берет свое начало со времен Петра I. Донской лозе почти триста лет. Но истинный расцвет этой культуры на живительных берегах Дона начался после Великой Отечественной войны. Тридцать два винсовхоза — значительная доля усилий заслуженного агронома РСФСР Николая Константиновича Соболева. Видимо, поэтому донцы с душевной теплотой говорят:

— Соболевская гроздь...

Родина воздала должное боевым и трудовым заслугам своего верного сына. Он награжден тремя орденами Ленина, орденами Отечественной войны, «Знак Почета» и многими медалями.

Николаю Константиновичу недавно исполнилось семьдесят лет. Но, если вам доведется побывать на Дону, не ищите его дома, в Ростове, скорее всего вы найдете его в Мартыновском или Семикаракорском винсовхозе, или на Цимлянском заводе игристых вин, а то и просто на степной дороге.

Михаил АНДРИАСОВ

БЫЛО И ТАКОЕ ОРУЖИЕ...

Из блокнота участника обороны Севастополя

Н. СОБОЛЕВ, заслуженный агроном РСФСР

Март 1942 года пришел в осажденный Севастополь солнечным и теплым. Весна брала свое. Набухли почки на деревьях, зазеленела молодая трава. Радуясь теплу, люди выходили из подземелий и убежищ. По дворам играли дети. Был период относительного затишья в военных действиях. Ожесточенная перестрелка вспыхивала то на одном, то на другом рубеже обороны, не прекращались ночные налеты авиации, но на решительный штурм враг пока не шел.

Пользуясь передышкой, севастопольцы наводили чистоту и порядок на улицах города, все они, от мала до велика, помогали защитникам севастопольских рубежей.

В окрестностях города с давних пор было развито садоводство, виноградарство и виноделие, и теперь под обстрелами и бомбежками люди продолжали трудиться, бесперебойно снабжая госпитали спиртом, виноградным соком, шампанским. Изготовляли и витаминную настойку — эффективное средство борьбы с цингой. Но с наступлением тепла в осажденном городе возникла опасность эпидемии кишечно-желудочных заболеваний.

Об этом заговорил со мной председатель горисполкома, член городского комитета обороны Василий Петрович Ефремов. Я зашел к нему вечером и застал в кабинете товарищей, с которыми обсуждался вопрос о снабжении города водой. Она была нужна не только для бытовых нужд, но и для борьбы с пожарами. Когда мы остались одни, Василий Петрович обратился ко мне:

— А теперь давай подумаем о воде другой. Тепло стало, сам понимаешь, чем это грозит! Помнится мне, до войны в таких случаях иногда употребляли воду, в которую добавляли красное вино...

Я сразу понял, что он имеет в виду — сухое красное вино содержит танин, предотвращающий заболевание брюшным тифом, дизентерией. Севастопольский завод виноградных соков до войны выпускал хорошую фруктовую газированную воду. Но сохранилось ли оборудование да и где взять красное вино? Севастопольские пищевики, насколько мне было известно, располагали лишь белым сухим вином — я в ту пору руководил пищевыми предприятиями и совхозами городского комитета обороны.

— Все же проверьте,— настаивал Василий Петрович.— Хорошо бы дать лечебную воду больницам и госпиталям...

Надежда на успех казалась слишком призрачной. И все же на другой день чуть свет я выехал на соковый завод. Встретили меня директор завода Золотарев и технолог Кошелев. Показали свое производство. В цехе готовой продукции — ровные ряды новеньких бочек емкостью 50 и 100 литров. Бочки как бочки, но на них дата: «17 марта 1942 года». Как же не порадоваться, завод действует, хотя все вокруг содрогается от орудийных раскатов.

Говорю товарищам, зачем пришел.

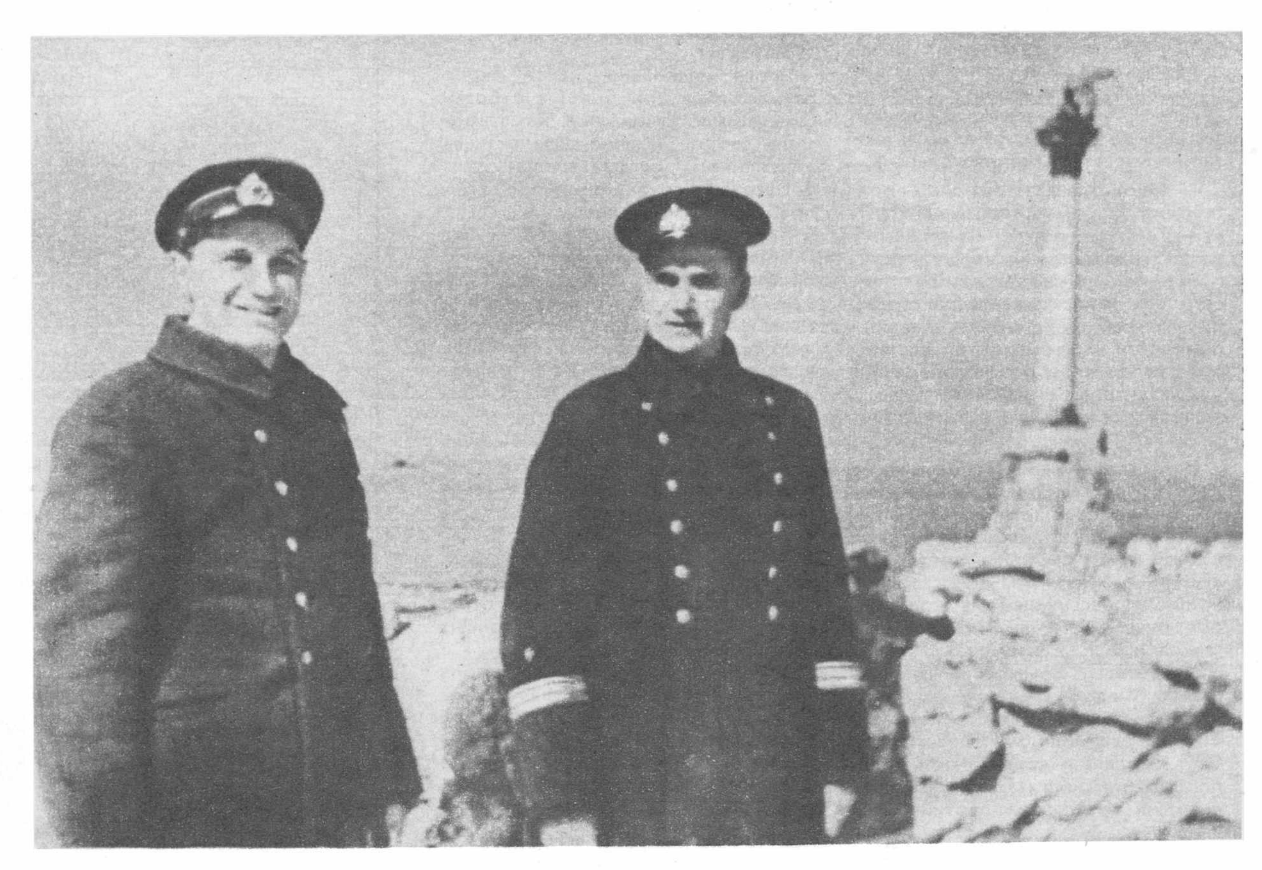
— Из старого оборудования кое-что сохранилось,— сказал Золотарев. — Пойдемте посмотрим.

Обошли все цехи, склады и другие производственные помещения. Обнаружили 30 баллонов с углекислотой. Металл начал ржаветь, но кислота сохранилась, можно использовать. Осмотрели разливочные и укупорочные машины — их восстановить можно. Под навесом — огромная гора бутылок. Комсомолка Аня Кузнецова разыскала где-то десяток ящиков с укупорочным материалом.

— Но у нас нет ни вина, ни сахара,—сокрушались работники завода, искренне желая сделать еще одно полезное дело для защитников города.

Договорились, не ожидая решения вопроса с сырьем, приступить к восстановлению цеха. Я отправился на Инкерманский завод шампанских вин, который выдал первую продукцию в 1941 году, перед самой войной. Прежний его директор — старый севастополец Константин Трофимович Пидворко — стал командиром партизанского отряда. Его заменил молодой специалист Петр Николаевич Коваленко. Он был серьезно бо-

Н. К. Соболев (слева) и капитан-лейтенант Г. Н. Охрименко. Севастополь. 1942 год.

лен, но эвакуироваться отказался наотрез. Вижу, что Коваленко очень устал. Туберкулезнику весной всегда тяжело, а тут еще работа в подземелье. Но что поделаешь, война. Рассказываю о задании городского комитета обороны.

— Очень, очень важно! И своевременно! — воодушевился Коваленко.— Есть у меня в «секрете» несколько бочек ликера, вместо сахара пойдет. Но нет красного вина.

Стали думать, где и как его можно раздобыть. Прикинули: надо триста тысяч литров. Тогда можно будет в течение трех самых жарких месяцев выпускать ежедневно пятнадцать тысяч бутылок лечебной воды. Вспомнили, какое отличное вино «Каберне» делают в Абрау-Дюрсо, под Новороссийском. Послушал бы кто со стороны — подивился: город в блокаде, плохо с продовольствием и даже с обыкновенной водой, а они размечтались о красном вине!

Но услышал нас человек не со стороны, а мастер-шампанист Дмитрий Зубанов. Ему довелось много лет жить и работать под Новороссийском. Он любил те места, в Абрау-Дюрсо учился на курсах, прошел там большую практическую школу. Теперь, узнав, о чем идет речь, сказал:

— Командируйте меня, привезу вам «Каберне»...

Предложение было неожиданным и на первый взгляд казалось несбыточным. Шутка ли, доставить вино морем! Каждый рейс в Севастополь связан с огромным риском. Кто возьмет такой груз? Да и кто может дать столько вина в военное лихолетье?

— Едва ли это возможно,— говорили мы ему, но сами думали: а вдруг? Надо же искать выход из положения, действовать решительнее, рисковать, наконец.

Решили запросить Москву. О способе доставки вина в Севастополь следовало посоветоваться с командованием фронта и флота.

Телефонный разговор с военными еще не был окончен, но я уже понял, что ответ положительный.

— Флот обещает помочь,— подтвердил Ефремов, положив трубку.— Так что готовь телеграмму на имя наркома...

Энергичный, деятельный председатель горисполкома уже строил планы, как действовать дальше: попросить у работников службы тыла сахар, еще раз поговорить с руководителями сокового завода об ускорении ремонта оборудования.

Но торопить севастопольцев не потребовалось. На другой же день ко мне приехал технолог Константин Кошелев и рассказал, что на заводе уже собрано достаточно машин. А еще через день за мной пришел рассыльный из комитета обороны: вызывали Ф. Д. Меньшиков и В. П. Ефремов.

Секретарь Крымского обкома партии Федор Дмитриевич Меньшиков вел в те дни большую работу в осажденном Севастополе. Он направлял деятельность пропагандистов и агитаторов, активно помогал городским партийным и советским организациям, комитету обороны, тыловым службам фронта.

— Могу поздравить,— встретил меня Федор Дмитриевич.— Первый вопрос решен.

Читаю телеграмму за подписью наркома пищевой промышленности В. П. Зотова. Директору комбината Абрау-Дюрсо В. А. Приходько предлагается немедленно организовать отправку в Новороссийский порт вина, которое мы просим.

Срочно вызываю с Инкерманского завода Петра Коваленко и Дмитрия Зубанова, чтобы посоветоваться, кого послать в Новороссийск.

— Меня! Я многих знаю в Абрау-Дюрсо и Новороссийске. Все сделаю как надо, поверьте,— сказал Дмитрий Зубанов.

Лучшей кандидатуры действительно не придумать. Вторым решили послать мастера Ивана Васильевича Колесова. Хоть был он в возрасте, но деловой, энергичный.

...В осажденном городе у каждого много забот, время летит незаметно. Поэтому я удивился, когда дней через десять после отъезда наших посланцев ко мне вдруг явился Иван Васильевич Колесов. Весь в пыли, бледный, усталый.

— Добрались благополучно. Но теперь как бы все труды не пропали — немцы засекли пароход в бухте и бомбят.

— Все бочки не разобьют. А главное — люди вернулись...

И я как мог стал успокаивать Колесова. Мы вместе отправились к Южной бухте.

Стрельба прекратилась. На палубе «Чапаева» нас ждал Зубанов. Он был одет в полушубок, хотя на дворе тепло.

— Всю дорогу на палубе дежурил,— пояснил Дмитрий.

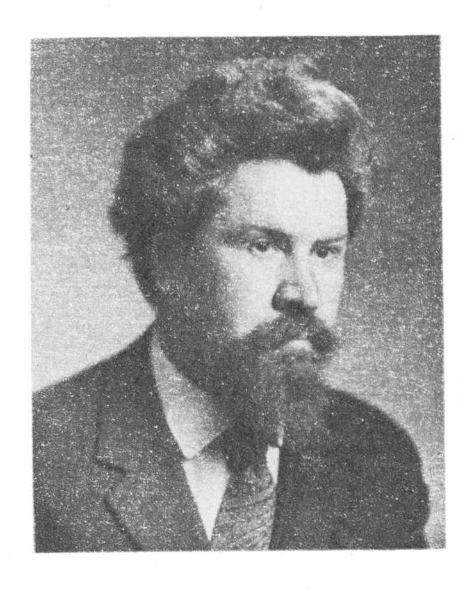
Осмотрели бочки. К счастью, вина погибло не так уж много. А вино-то какое! На бочках надпись: «Каберне Абрау-Дюрсо урожая 1939 года».

Через несколько часов около сотни бочек, прибывших с Большой земли, были уже на заводском дворе. Рабочие с радостным удивлением рассматривали этот бесценный груз. Как-то не верилось, что он уже здесь.

Прошло несколько дней, и вот к Ефремову привезли первую пробную партию газированной воды. Она была приготовлена в нескольких вариантах. На дегустацию пригласили военных медиков и городских врачей. Всем образцам была дана высокая оценка. Лечебную воду в первую очередь получили госпитали, больницы, школы...

За семьдесят дней с момента организации нового производства завод выпустил около 250 тысяч бутылок лечебной воды. И как знать, не потому ли в тяжелых условиях осады в городе не было эпидемии кишечно-желудочных заболеваний...

Участники обороны Севастополя по праву могут гордиться своим мужеством, стойкостью, воинской доблестью и трудовыми свершениями. Лечебная вода — это тоже маленькая гордость севастопольцев.

Борис МОЖАЕВ

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

ФЕДЬ

Борис Можаев — писатель, хорошо известный нашему читателю. В последней выпущенной им книге «Лесная дорога», куда вошли повести «Полюшко-поле», «Живой», избранные рассказы, писатель продолжает исследовать жизнь колхозной деревни. В своем новом романе «Мужики и бабы» Борис Можаев рисует широкое полотно жизни советского села, создает яркие, своеобразные характеры, окрашенные присущим писателю колоритным юмором. Время действия публикуемого отрывка — 1929 год, когда старый уклад еще цепко удерживался в крестьянской среде, когда еще только начиналось становление социалистической деревни.

В лощине было полно лошадей и ребятни, правда, больше все подсоски, как зовет Чувал десятилетних школьников. Из больших парней приехал только Васька Махим. Ни Ковяка, ни Натолия Сопатого, ни Шурки Пышонкова — никого не было. Да кто по охоте поедет на праздник в ночное? Зато приехал дядя Максим Селькин, прозванный за окладистую сивую бороду, за толстый нос и густую волосню, стриженную под горшок, Жеребцом. У него было большое рыхлое брюхо, свисавшее, как пустой кошель, почти до колен. «Дядь Максим, а на чем у тебя ширинка держится?» «А я ее, ребятки, за пупок пристегиваю. Пупок у меня агромадный, грызь, стало быть...» У него был Чалый, мерин, с виду покорный, как сам хозяин, и тоже брюхатый и мосластый. И тем не менее ребятишки не брали его в ночное — Чалый никогда не наедался за ночь; на рассвете, когда все лошади понуро стояли, опустив голову и оттопырив нижнюю губу — «читали газету», по выражению ребят, Чалый продолжал со скрипом и хрупом щипать и уплетать траву. Подойдешь к нему заобратать, а он тебя норовит зубами поймать за пузо. Ненасытная скотина! Так и ездил в ночное сам Максим Селькин.

Все ночевальщики уже сидели возле дымящегося костра, когда подъехали опоздавшие. В центре круга Максим Селькин стоял на четвереньках, похожий на гривастого льва, и, вытянув губы, шумно дул, как кузнечный мех, под кучку зеленых ветвей.

Маклак с Чувалом мигом спешились, кинули связки сухих дров, стали снимать обороти и стреноживать коней.

— Вот спасибо, ребятки! Дровец привезли, уважили старика,— распрямившись от костра, оглаживая пузо, радостно говорил Селькин.— А я картохи прихватил... Напечем, едрит твою лапоть. Вот и нам праздник будет.

— У нас и выпить есть. Держи!— Маклак подал Селькину две бутылки молока.— После ужина спать захочешь... Так вот тебе ватола и зипун. Ложись и укрывайся.

Маклак скинул лапти, быстро переобулся в штиблеты, зипуном их еще почистил, рубашку расшитую расправил, все складочки за спину согнал, одну руку в бедро упер, вторую на затылок закинул и козырем прошелся вокруг костра.

— Ну, берегись, которые напудрены... Как, дядь Максим? Гип-гоп! — Он раза два нырнул вприсядку и картинно поклонился.

— Склю́чительно. Чистый ползунок,— сказал Селькин.— Мотри, только не подерись. Рубаху порвут невзначай. Отец узнает, что бегал из ночного... Он тебе задаст тогда ползунка.

— Пока!— сказал Чувал.— Ты, дядь Максим, спи. А вы, подсоски! Смотрите! Ежели кто из вас уснет, приду — всех на баран перетаскаю...

В село вернулись Маклак с Чувалом уже по-темному. Сразу за оврагом, на Красной горке, возле Кочебановых, шумела огромная толпа. Играли две гармошки цыганочку, дробно стучали каблуки. Федька приостановился возле оврага, прислушиваясь: одна ханатыркала на басах, как разбитая берда,— это, ясное дело, Мишки Кочебанова гармонь, немецкого строя; а другая не в лад высоко взвизгивала, как свинья недорезанная. Да это ж ливенка Сенечки Зенина! Вот шаромыжник, на их конец притопал. Значит, и Зинка здесь вертится.

— Сань, сходи глянь — Зинка там или нет?— попросил Федор Чувала.

Тот одним духом сбегал и обернулся:

— Тама! Сенечка с Мишкой на лавочке сидят, а Зинка за ними, как часовой,— руки по швам и кулаки сжаты.

— Едрит твою лапоть, как говорит дядя Максим! Чего ж мне теперь делать?

— Пошли! Не заметит...

— Она не заметит... Вот что — дуй на круг, а я пойду к Никишке Хриплому.

— Как же это? Возьмем да разойдемся! А в лощину поодиночке, что ли, топать?

— Да нет, чудак-человек... Сенечка не заиграется, не бойся. Он похвастаться пришел... Поди, рубаху новую показать или белые штаны... Он скоро уйдет. А за ним и Зинка смоется. Тогда сбегаешь за мной, и уж повеселимся.

— Ну, валяй! Только не проигрывайся...

— За меня не беспокойся.

Друзья стукнули друг друга по рукам и разошлись.

У Никишки Хриплого, а по фамилии — у Пышонковых, собрались картежники не только ближние, со своего конца, с Нахаловки, но и из села пришли, то есть с базарной площади, с Конной улицы, с Сенной. Посреди просторного кирпичного дома, за столом под висячей лампой, сидело человек десять. Метали банк. Перед вислоусым, одутловатым, с пипочкой вместо носа сапожником Бандеем, похожим на моржа, скопилась кучка серебра и медяков, и даже бумажки лежали. Бандей в огромной ладони, изрезанной темными рытвинами от дратвы, зажал колоду, как спичечный коробок, и, плюя на пальцы, вытягивал из нее карты.

...На вошедшего Федьку никто не обратил внимания. Да и трудно было разглядеть от стола, кто там вошел. Сизые клубы табачного дыма начисто глушили свет на сажень от лампы. Федька постоял у дверей, подождал для приличия: не спросят ли, зачем пришел? Не спросили. Потихоньку присел с краю, рядом с хозяином.

— Ну, сколько тут собралось?— спросил Бандей, разгребая денежную кучу.— Боле десятки?

— Да тут рублей пятнадцать будет.

— Дай сосчитаю!— услужливо потянулся к деньгам вертлявый узкоплечий шапошник Биняк.

— Не играешь и не лезь!— одернул его Бандей.— Вон посчитай волосья у себя в ноздре.

Все засмеялись, а Биняк вдруг выпучил глаза, надул щеки, растрепал и смахнул книзу свои пшеничные усы и стал до смешного похож на Бандея.

— Мишка, давай свяжем?— в тон Бандею утробно пробухал Биняк.

— Чего?— опешил тот.

— Волосья... У тебя в ноздре, а у меня в заднице.

Все так и грохнули — кто на стол повалился, кто на лавке катался, аж затылком пол доставая.

— Ну ладно, стучу,— сказал Бандей, перетасовал колоду и роздал карты.

— Дак сколько у тебя в банке-то?— спросил Лысый, первый картежник и вор на всю Сенную улицу, протягивая ладонь со своей картой. Он сидел рядом с Бандеем, с него и начинался новый круг.

— Рублей пятнадцать будет. А может, больше. Пересчитать, что ли? — сказал Бандей.

— Иду ва-банк. А там сосчитаем.

Все притихли. Бандей насупился, поджал губы и еще раз посмотрел свою карту.

Лысый хлопнул по ней второй ладонью, быстро поднес карту к глазам и начал «тянуть»— так медленно сдвигал нижнюю карту, приоткрывая ту, неизвестную, что вся лысина его покрылась мелкими бисеринками пота. Наконец он шумно выдохнул, отложил карты и, набычившись, сдвинув брови до красноты на лбу, задумался, весь ушел в себя.

— Ну?— сухим голосом спросил Бандей.

— Кинь еще одну,— сказал Лысый.— Открой!

Бандей выкинул короля червей.

— Ваше не пляшет.— Лысый открыл все карты и развел руками.— Очко!

— А ну-ка, ну-ка?— потянулся Бандей к картам.

— Туз, шестерка, король.

— Эх, дьявол! Сверх казны взял! — крикнул кто-то удивленно.

— Ведь не положено к казне прикупать,— сказал Биняк.

— Это банкомету не положено брать, понял? — окрысился Лысый.— Ты кому подсвистываешь, суслик?

— Ну, договаривай! Кому он подсвистывает?— распалялся Бандей.— Мне, что ли?

— Нет... не тебе... Вон Нешке на печи.

— Ты Нешку не трогай, она не вашего поля ягода,— сказал Бандей.

— А я кто, по-твоему? Кто я? — распалялся и Лысый, подаваясь грудью на стол.

— Нехто.

— Что значит нехто?

— Да будет вам!— просипел Никифор.— Вы ж играть пришли. А кто хочет скандалить — ступай на Красную горку.

Бандей с Лысым с минуту упорно и мрачно глядели друг на друга, по-бараньи наклоня головы.

— Нешка, кинь семечек на стол. Вишь, петухи нацелились... поклюют и разойдутся!— крикнул Биняк, и все захохотали.

Отмякли наконец и Лысый с Бандеем.

— Сколь в банке? — спросила Ореха с печи.— Может, пол-литра полагается?

Пересчитали деньги, оказалось восемнадцать рублей с лишком. Целковый отдали Орехе. Поскольку в банке было больше пятнадцати рублей, причиталось купить взявшему банк поллитру «рыковки». Таков уговор.

— У меня последняя осталась,— предупредила Ореха, отдавая Лысому водку.

Кроме водки, на печи у нее стояли два ящика с конфетами, да с жамками, да еще мешок с семечками. И безмен лежал. Отвесит, сколько желаешь.

— Отставь ее!— кивнул Бандей на водку.— Пить будем после игры.

— Почему это?— спросил Лысый.

— Потому! Распоряжается проигравший... по закону.

— Как хотите.— Лысый взял карты и открыл банк.

— Дай и мне карту!— попросил Федька.

Лысый с удивлением поглядел на него, словно впервые увидел:

— Что, Маклак, кобылу отыграть хочешь?

— А ты что, переживаешь за нашу кобылу?— огрызнулся Федька.

— Ишь ты, дьяволенок! Веселится еще... Отец, поди, портки зубами рвет с досады...

— Не беспокойся, по миру не пойдем, у тебя милостыню не попросим.

— А ну, заткнись!

— Ты чего пристал к парню?— вступился Бандей.— Какое твое дело, кому играть, а кому нет. Просят карту — давай!

— У него, поди, денег-то пятиалтынник за щекой.

— Не твое дело... Дай!— властно напирал Бандей.

У Федьки с Лысым глухая вражда. На святках этой зимой в толпе ряженых выделялась дюжая баба. В цветной поньке, в нагольной шубе и при маске. Баба пела сиплым дискантом срамные частушки и приставала к девкам. Угадывая под маской по широченным плечищам дюжего мужика, ребята держались в стороне, но когда «баба» облапила Тоньку Луговую и при всем честном народе стала тискать ее и целовать, Федька не выдержал — кочетом налетел на высокую «бабу» и щелкнул ее по затылку. Баба рявкнула, бросив Тоньку: «Задавлю!» — и, подняв руки, по-медвежьи кинулась на Маклака. Тот юркнул «бабе» под мышку, принял на бедро эту тушу и, рванув за ноги, пустил через себя на дорогу. «Баба» так и растянулась всем хлыстом — руки вперед, мордой в снег. Слетела с нее маска, шаль, и заблестела, залоснилась на снегу розовая лысина. «Да это Лысый!» — удивленно ахнули в толпе. Тот, матерясь на чем свет стоит, вскочил, сорвал с себя шубу: «Убью ошметка!» — и бросился с кулаками на Федьку. Их разняли. А улица еще долго удивлялась: «Вот так Федька! Ай да Маклак! Эдакого кабана завалил... Видать, в деда Евсея пошел». Евсей Бородин, правда, не доводился ему дедом, а всего лишь братом Федькину деду, но кулачник он был отменный. Первый на селе. Один стенку держал.

Федька получил карту — девятку червей... И когда дошла до него очередь, протянул ее к Лысому.

— Иду на рупь.

— Деньги на кон!— сказал Лысый.

— Вот скаред лыковый, мать твою...— выругался Бандей.— Ты карту давай!

— Деньги на кон!— заупрямился Лысый.

— На!— Федька выкинул измятую трешницу.

Лысый отсчитал ему два рубля и вытянул карту. Оказалась десятка бубен.

— Наберись!— сказал Федька и затаился, ужав голову в плечи.

Лысый открыл своего валета, кинул к нему восьмерку и еще восьмерку:

— Восемнадцать!

— Мало каши ел,— торжествующе сказал Федька.— У меня девять очей.— И кинул свою девятку с десяткой.

КА МАКЛАК

— Ты чего карты загнул?— придирался опять к нему Лысый.

— Ты играть будешь или каныжить!— гаркнул Бандей и так хлопнул своей пятерней по столу, что зазвенели в кону деньги и фукнула, мигнув, висячая лампа.

— Я-то играю,— сказал примирительно Лысый.— А ты гремишь, как немазаная телега.

— Сдавай!

Бандей все больше и больше горячился, ходил только ва-банк, проигрывался. На кону перевалило за двадцать рублей. Лысый простучал и сдал по последнему кругу.

— Иду ва-банк,— сказал Бандей, не глядя на свою карту.

— Деньги на кон,— сказал Лысый.

— Ты что, не веришь мне?

— Не верю.

— На, мать твою в живоглота! — Он вынул из бокового кармана легкого пиджака несколько скомканных бумажек и кинул их на стол. Биняк кинулся разглаживать бумажки. Пересчитали. Оказалось двенадцать рублей.

— Даю на двенадцать,— сказал Лысый, берясь за колоду.

— А я говорю: ва-банк! — сказал Бандей.

— Где остальные?

— Отдам. Давай на слово!

— На слово просят только у баб...

— Ах, вот как! Ну, ладно.

Бандей откинулся на лавке, кряхтя стащил с себя хромовые сапоги, носком протер подошвы, так что свежие шпильки заблестели.

— Во, видал? Новые сапоги... Добавляю.— И поставил их на стол рядом с деньгами.

Лысый взял сапоги, повертел в руках:

— А может быть, они у тебя прелые?

— У меня прелые? Мои сапоги! Ах ты, сучий сын! Я для себя их шил. Они двадцать четыре целковых стоят. На, возьми зубами. Попробуй, оторви подошву с носа! Оторвешь — даром отдам сапоги.

— Да я что, волк, что ли?

— Тот-то и оно. Ты слаб в коленках. У тебя еще и зубы-то репные. Дай сюда! — Он выхватил сапоги из рук Лысого.— Ребята, кто хочет счастья попытать? Ну, берись зубами! Не бойся... Оторвешь подошву — я ж и прибью. И сапоги отдам. Знай Мишку Косоглядова. (Это настоящая фамилия Бандея.)

Сапоги мягкие, новенькие... даже при тусклом свете блестят. Вася Соса, здоровенный детина с длинным рябым лицом, сидевший напротив Бандея, алчно раздувая ноздри, ворочая белками, уставился на сапоги.

— Вася, ты чего уставился, как кот на сметану?— крикнула с печи Нешка.— Возьми их на зубок. Об твои зубы-то кулак расшибешь.

Вася, довольный, осклабился, обнажая желтые, лопатистые, как у мерина, зубы.

— На, пробуй!— сунул ему сапог Бандей.

Вася взял, повертел его в руках, как мосол, приноравливаясь, с какого бока укусить.

— Бери за нос. С каблука и не пробуй.

Вася разинул пасть и сунул в нее головашку.

— Мотри союзку не прокуси, крокодил!— крикнул Бандей.— Товар испортишь.

— Дак ее с торца не возьмешь, подошву-то — чисто срезана, как зализанная,— сказал Соса.

— А ты поперек ее бери!

Наконец Вася изловчился, сдавил каменную подошву своими лошадиными зубами и зашелся аж до посинения, пытаясь вырвать изо рта головашку.

— Дай-кать я за голенищу потяну!— кинулся к нему Биняк.

— Я те потяну!— замахнулся на того Бандей.— На голенище уговору не было.

Вася выбросил сапог на стол и сказал, отдуваясь:

— Нет, выскальзывает...

— То-то. Знайте, черти, Косоглядову работу,— торжествующе сказал Бандей Лысому, протягивая руку: — Значит, ва-банк, как договорились.

Лысый дал ему карту. Тот быстро глянул и на ту, что лежала ранее, и на эту, бросил их и поморщился:

— А ну, еще.

И опять, быстро заглянув, кинул и эту карту, как горячий блин, и только рукой махнул:

— Твои сапоги.

За столом суета и гул: кто сапоги разглядывал, кто деньги считал, а кто языком работал. Заговорили, загалдели все разом.

— Лысый, с такого банка литру мало поставить.

— А я и так литру ставлю.

— Дак нет же у меня водки-то больше,— сказала Нешка с печи.— Кончилась.

— У тебя нет — у Колчачихи найдется. Не то к Ваньке Вожаку сбегайте.

— Лучше до Козявки сбегать. У нее самогонка и огурцы соленые.

— Нешка, дай чашку под огурцы!

— А кто пойдет за самогонкой?

— Как кто? Младший. Вон, Маклак сбегает.

— Бандей, в чем домой пойдешь?

— Вон, чуни мои наденет,— просипел Никифор.

— Дойду и босым. Чай ноне не крещенье.

Маклаку сунули железную тарелку под огурцы, денег дали на самогонку. Ореха взвесила ему два фунта раковой шейки. Набил он полные карманы конфет и, радостный, вприпрыжку, помотал по селу к шинкарке Козявке.

— Стой, кто идет!— ринулся кто-то к нему из-за толстой придорожной ветлы.

Федька увернулся было, но споткнулся о колесник и растянулся в дорожной пыли. Тарелка с грохотом отлетела в сторону.

— Подвинься, я лягу!— хохотнул над ним голос Чувала.

— Осел вислоносый, сова лупоглазая, чтоб тебе кистенем ребра пересчитали,— ругался Федька, отряхиваясь от пыли.

— А я за тобой пошел... Гляжу — Маклак сам бежит навстречу. Я за ветлу... попужать хотел.

— По зубам бы тебя, лупоглазого...

Федька поднял тарелку — она была вся в пыли:

— Ну, где ее теперь мыть? Куда идти!

— Откуда она у тебя? Зачем?— спросил Чувал.

— Ореха дала... Лысый с Бандеем за огурцами послали к Козявке... Да за самогонкой.

— Лысый? А ну-ка, дай сюда!— Чувал взял пыльную тарелку, отвернулся к ветле и помочился.

— На, чистая!— протянул он через минуту тарелку.

— Да ты что?

— А что? Лысый с Бандеем все сожрут... за милую душу.

— И то правда. Лысому поделом,— согласился Федька.

И они пошли за огурцами и самогонкой к Козявке...

* * *

Федька с Санькой вернулись на Красную горку, когда уж народ схлынул. Ушли принаряженные бабы с мужиками, расползлась по домам досужая, любопытная и пронырливая мелюзга, разошлись парочки по заулкам да выгону, остались одни неугомонные — десятка два парней и девчат, для которых еще понятие «улица» больше было связано с забавами и проделками, чем с шушуканьем да любовными утехами наедине.

Девчата сидели на одной скамье, ребята поодаль на другой. Мишка Кочебанов, отыграв свое, застегнул гармонь и положил ее в фанерный футляр, похожий на скворечню. Лузгали семечки, сосали конфеты, принесенные Маклаком, перебрехивались, как говорили в Тиханове.

— Ребята, а я знаю, у кого из девчат пятки немытые,— сказал Мишка Кочебанов.

Он был головаст, кривоног и носил прозвище Буржуй.

— У кого?

— У второй с краю.

На скамье девчат завозились, и Тонька Луговая заголосила на всю улицу:

— Буржуй головастый! Ты на себя погляди. Сроду за ушами не моешь.

— А ты откуда знаешь? На ухо ему шептала, что ля?

— К щеке прижималась...

— Коленкой, да?— кричали девчата.— Он ей по шейку и то не будет.

— Она приседала... Гы-гы!— неслось от ребят.

— Обормоты! Да если Тонька захочет, вы сами все станете перед ней на четвереньки.

— А еще она ничего не захочет? Га-га...

— Срамники окаянные!— подражая бабам, кричат девчата.— Вот на это вы только и способны.

— Цыц, сороки! Ребята, айда сало из них жать.

— Только попробуйте...

Федька и Чувал подбегают к девчачьей скамейке и начинают плечом теснить, сдавливать всю эту сидячую шеренгу. Девчата цепляются за скамью, визжат, отчаянно сопротивляются. К ребятам подбегают еще на подмогу и начинают толкать враскачку.

— Раз-два, взяли! Еще взяли...

Наконец, сбитые со скамейки, девчата кубарем, как снопы друг на дружку, валятся наземь. Потом с криком, по-воробьиному разлетаются во все стороны.

Федька нагнал Тоньку Луговую у самого плетня Кочебановых и с лету, как коршун, накрыл руками, сцепив их в замок на ее груди. Разгоряченной ладонью он почувствовал упругую Тонькину грудь и часто задышал ей в ухо.

— А ну, пусти!— рвалась она и говорила глухо:— Пусти же!..

— Тонь, пошли отсюда!.. Пошли на пруд,— прошептал он.

Она застыла в минутном оцепенении, а он ждал и слушал, как жарко и гулко стучит в висках и отдает где-то под лопатку.

— Да ну же!— неожиданно рванулась она, уходя нырком вниз из его объятий, и пошла к скамейке, оправляя на себе кофточку.

Федька вернулся на толкучку каким-то яростно веселым, вертлявым, как бес. Что-то знакомое, легкое подымалось из него, распирало грудь и давило на горло; хотелось кого-нибудь щелкнуть по затылку и засвистеть, закружиться в лихом ползунке.

— Ребята, давайте сыграем в отгадай!— предложил он.

— Давайте!

Кто-то сбегал, вытянул сухой прут из кочебановского плетня, и вот уж дюжина увесистых ребячьих кулаков зацеплялась, полезла по этому пруту вверх, к кончику.

— Кто нижний, становись на кон!

Водить досталось Ваньке Ковяку. Плотный приземистый паренек с белесыми бровями и красным, как из бани, лицом повернулся ко всем спиной, заслонил глаз ладонью, а вторую ладонь высунул из-под мышки, растопырив на плече.

— Бей!

Буржуй ударил его снизу — ладонь наотмашь, как плетью.

— Бух!

Ковяк аж покачнулся.

— Отгадай!— дюжина кулаков с поднятыми кверху большими пальцами тянулась со всех сторон к лицу Ковяка, и ближе всех, нахальнее совал свой кулак Чувал.

— Он!— указал Ковяк на Чувала.

— Га-га-га! Попал пальцем в небо... Становись.

Ковяк опять отвернулся и выставил ладонь.

— Тонь! Ну-ка, сядь на минутку.— Федька подвел Тоньку к скамейке и усадил.

— Чего такое?— спрашивала она вроде бы с возмущением, но покорно села.

— Дай туфлю на минутку?

— Зачем?

— Не бойсь, не съем...— Федька одной рукой схватил за ее тонкую, сухую лодыжку и неожиданно помедлил, ощущая прохладную и гладкую, как обкатанный речной голыш, щиколотку.

— Ты чего?— спросила она.

— Сейчас!— он другой рукой стянул ее туфлю на полувысоком каблуке и отбежал к играющим.

Ковяк очередной раз отвернулся и ждал удара.

— Чшш!— Маклак отстранил ребят и замахнулся туфлей.

Девки прыснули и захихикали.

— Да скоро вы там?— спросил Ковяк.

Удар подошвой о ладонь получился такой звонкий и сильный, что с Ковяка слетела кепка. Тот обернулся разъяренный:

— Чем ударили? Ну?!

Вокруг него все покатывались со смеху, а больше всех кривлялся Маклак, помахивая Тонькиной туфлей...

— Ах ты, гад? Ты ботинком бить... Душу вымотаю!— Ковяк с лету хотел ударить в ухо Маклаку, да промахнулся и, не удержавшись на ногах, упал на траву.

— Ну, вдарь еще!— смеялся над ним Маклак, помогая встать.

Ванька сунул кулаком прямо в нахально смеющееся лицо. И опять промахнулся. Ловок, как бес, этот Маклак. Тогда Ковяк, приподнявшись, поймал подол расшитой Федькиной рубахи и так рванул, что с треском швы на плечах разъехались.

— За что ж ты рубаху рвешь, гаврик?— завопил Маклак.

И в это время напротив, в избе бабы Стени Гредной щелкнула задвижка волокового окна.

— Тихо, Телефон слушает!— цыкнул на сцепившихся Чувал.

И все замерли, глядя на ту сторону улицы. В потемках, в черном проеме окошка мутно серел, как бельмо на глазу, ситцевый плат бабы Стени. Степанида Гредная — баба вредная, говорили про нее на селе. И носила она еще новейшее прозвище — Телефон. Ни одна сельская новость не проходила мимо нее,— перехватит, раздует, хвост привяжет и пустит по селу, как собаку на пяти ногах. Не гляди, что кривая, а видит сквозь землю. Высунет голову из своего волокового окошка, да еще очко приставит к единственному глазу: «А? Чего там народ собрамшись?» Вот и притихли ребята, испугались, что завтра же по селу всем будет известно, кто с кем подрался да кто кого за ногу хватал...

— Погоди, счас я ее удоволю...— сказал Чувал и нырнул в перебежке к тому порядку улицы.

Он прокрался к ее соседу Корнею Климакову, снял потихоньку подтяжек с телеги, зашел с переулка к избе Гредной и как ахнет дубовым обрезком в простенок, аж в окнах тренькнуло.

Баба Стеня мигом скрылась, как сдуло ее, а из дому глухо, словно из колодца, донесся голос Степана:

— Да что это за фулюганство! Иль топор брать, иль в милицию итить. Иного выхода нет. Это не житье, а мученье.

— Ах ты, мерин саврасый!— возмущался прибежавший Чувал, тяжело дыша и ругаясь:— Выходит, мы ж и виноваты... Ну, погоди... Ребята, подь сюда!

Он отвел нескольких парней в сторону и, пригибаясь, полушепотом затараторил:

— Гли-ка, на заборе у них сохнут Степановы портки. Гредная их постирала. У Степана всего одни портки. Уж я знаю точно. Дак вот, когда Гредная их стирает, он спит, завернувшись в свиту. Я чего придумал? Давай Степановы портки затолкаем к ним в печную трубу. Утром проснутся — вот будет потеха!..

С улицы разошлись поздно, уже на рассвете, когда третьи петухи прокричали. Чувал с Маклаком подошли к избе Гредной, послушали, прислонившись ухом к стене. Тишина. Для безопасности заложили дверь на накладку, чтоб Степан на крыше их не застал. Маклак по углу залез на соломенную крышу, Чувал подал ему на шесте мокрые портки: тот этим же шестом затолкал их в трубу. Вернулись в ночное довольные и веселые, хотя на Маклаке и была порвана рубаха. Спрячет, как-нибудь выкрутится.

Максим Селькин лежал у костра, приподняв свою гривастую голову. Остальные все спали вповалку.

— Ах, подсоски!— крикнул Чувал.— Мы им конфет принесли, а они спать? На баран их! Маклак, давай обороти! Вяжи их за ноги. Сейчас всех по росе перетаскаю.

— Не трогай их, ребятки!— сказал Селькин.— У нас тут напересменку все налажено. Сперва я поспал, потом они... Таперича я за них караулю.

Федька выложил на ватолу конфеты.

— Ну, тогда и конфеты ешь за них,— сказал Чувал.

— У меня, ребятки, зубов нету,— он пошамкал губами, потом с надеждой поглядел на пришедших:— А шкалик не прихватили для меня?

Чувал с Маклаком переглянулись.

— Мы взяли было шкалик,— сказал Чувал,— да на нас в Волчьем бандиты напали. Я этим шкаликом четверых уложил, а вон на Федьке рубаху изорвали.

— То-то я гляжу — рубаху попортили. Мотри, Федька, отец узнает — прибьет. Ох, ребятки! Фулюганы вы все, фулюганы... Проголодались, поди? Вон картошка печеная. Поешьте.

Юр. ЗУБКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

ТОЛУБЕ

Есть во взгляде этого человека смешинка. Есть мысль — глубокая, напряженная. И чувствуется в нем — в лице, в плотной, коренастой фигуре, во всем облике — упорство, воля, умение сдерживать себя, владеть страстями. Чувствуются рабочая косточка, рабочая закалка...

Человека этого знает вся страна, весь мир. Это актер Ленинградского академического театра драмы имени А. С. Пушкина Юрий Владимирович Толубеев. Народный артист СССР. Лауреат Ленинской премии.

Слова о рабочей косточке не праздный домысел. Толубеев начинал свой трудовой путь чернорабочим на одном из ленинградских заводов. Именно здесь формировалась его личность, нравственные, идейные устои. Своих первых, заводских наставников Юрий Владимирович вспоминает с чувством глубокой признательности:

— Они были хорошими учителями. Они научили понимать, что не сам по себе силен человек — силен силой коллектива, силой класса.

Мысленно обозревая бесконечную галерею сценических образов, созданных выдающимся артистом, я в первую очередь думаю о роли, так сказать, заглавной. О роли кадрового рабочего, потомственного корабела Ильи Журбина, с которым театр и Ю. Толубеев познакомили нас около двух десятилетий назад в спектакле «Журбины», созданном на основе одноименного романа В. Кочетова.

Сложным испытаниям подвергается герой Толубеева, а характер его далеко не покладист. Самолюбив он, горд, крут, трудно дается ему понимание происходящих на родном заводе перемен. Завод переходит на новую технологию, и, как бы ни была ранена гордость Ильи, надо ему переучиваться! Но движет им не боязнь потерять высокий заработок, а ощущение себя солдатом, всегда находящимся впереди, на линии огня. Чувство нового — именно им наделяет актер своего героя. И оно придает образу, кроме убедительнейшей житейской достоверности и психологической содержательности, огромную социальную глубину и значительность.

— Жизнь отставаний не прощает,— говорит Юрий Владимирович.— Оставленное за кормой исчезает, как след от идущего вперед корабля.

По своей правдивости, идейной глубине и социальной точности, сердечной искренности и художественной выразительности образ Ильи Журбина принадлежит не просто к лучшим созданиям Толубеева, но как бы являет собою своеобразную художническую визитную карточку. И разве не показательно, что и некоторое время спустя, работая над образом Литвинова, начальника строительства в инсценировке романа Б. Полевого «На диком бреге», актер искал истоки и этого характера в рабочей среде. «Прослеживая жизненный путь моего героя,— вспоминает он,— я определил главное, что помогло мне найти стержень его характера. Он пришел на первую в своей жизни стройку рабочим и прошел путь до начальника стройки. Вот истоки, начало и основная суть этого человека. Будучи начальником крупнейшего строительства, решая вопросы государственного значения, он во всем своем поведении, во всех ситуациях сохраняет по-рабочему четкие представления о долге»...

Галерея образов, созданных Юрием Владимировичем почти за полвека жизни на сцене, необычайно обширна. Талант Толубеева разносторонен и многогранен, диапазон его актерского творчества едва ли небезграничен. Думая о созданиях Толубеева, каждый раз вспоминаешь утверждение К. С. Станиславского, что всякий актер, что бы он ни играл, всегда обязан быть актером характерным. При этом Станиславский имел в виду не столько характерность внешнюю, сколько внутреннюю; и вот ведь что примечатель-

но: Толубеев не является непосредственным учеником Станиславского, никогда не играл на сцене рядом с мастерами Московского Художественного театра, но по самому характеру, по самой сути своего творчества он близок им, развивает и обогащает в своих сценических поисках принципы и заветы великого учителя мхатовцев. В книге «Путь к образу» Ю. Толубеев самое развитие учения Станиславского справедливо связывает с ростом и потребностями советской драматургии. Задумываясь о требовании Станиславского — передавать на сцене «жизнь простого дня», Юрий Владимирович пишет: «Величайшая его мудрость, как мыслителя, как педагога и художника, как раз и заключалась в том, что этот «простой день» он видел в большой и вместе с тем реальной исторической перспективе».

Поиски сценического образа для артиста всегда начинаются с идейного содержания, с того, ради чего роль написана автором, ради чего он, актер, будет ее играть.

Долгое время актеру, репетировавшему Городничего в гоголевском «Ревизоре», не давалась сцена, где герой узнает о сватовстве Хлестакова. Как Хлестаков, этот «пустейший» человек, «сосулька», полнейшее ничтожество, мог обойти столь прожженного плута? Лишь постепенно актер приходит к мысли, что не притеснение составляет натуру Городничего, а стяжание, лихоимство, взяточничество. «С получением или неполучением мзды,— пишет он,— непосредственно связаны все его чувства и ощущения». В действиях Хлестакова видит герой Толубеева оправдание и обоснование своей жизни: коли уж в Петербурге так поступают,— значит, ему сам бог велел!

Поэтому-то не животный страх делает актер основной причиной действий Городничего, а нравственную слепоту.

Принцип художественного контраста — основа многих толубеевских созданий. Играя в пьесе А. Довженко «Жизнь в цвету» работника Терентия, надежного друга великого Мичурина, Толубеев — показывая его ворчливость, раздоры с ученым,— за всем этим открывает заботу и постоянную тревогу за Ивана Владимировича, нежную и поэтическую душу простого русского человека... Играя Коломийцева в горьковских «Последних», актер не подчеркивает злодейский. отталкивающий характер действий этого мракобеса. Руководствуясь ремарками автора — «горестно», «искренне», «тревожно» и т. д., он отгадывает Коломийцева. Ведь «герой» пытается как-то объяснить, оправдать свои кровавые поступки. И от этого становится еще страшней и омерзительнее.

ЕВ

Лучшие сценические создания Толубеева позволяют говорить о нем как об актере нового типа, художнике острополитическом, взращенном социалистической действительностью.

Среди вершинных работ замечательного мастера — образ Вожака в «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского, отмеченный Ленинской премией.

Переход толубеевского Вожака от цинизма, самодовольства и наглости к животному страху, к единственному желанию — любой ценой, любым способом уцелеть, выжить (а это центральная сцена спектакля),— свидетельство полного распада личности Вожака и нравственного крушения анархизма.

«Вожака великолепно играет Ю. Толубеев,— писала на страницах «Правды» Ольга Берггольц.— Каждое его движение, каждая интонация предельно достоверны и убедительны. Глядя на эту огромную, нарочито медленно двигающуюся фигуру, слушая этот негромкий, но как будто бы все придавливающий властный голос, физически ощущаешь, что имеешь дело с огромной темной силой, непримиримо враждебной советскому строю, его идеалам». Трактовка и воплощение роли Толубеевым стали своего рода камертоном и для всех остальных актеров.

Если образ Вожака потрясал своей обличительной силой, то образ Вилли Ломена из спектакля «Смерть коммивояжера» раскрыл трагедию «маленького человека» в капиталистическом мире. Здесь Ю. Толубеев также приходит к крупным и широким социально-художественным обобщениям: он не только скорбит вместе с автором о горестной судьбе Вилли, но видит социальную обреченность своего героя.

Вилли — Толубеев приходит к мысли о самоубийстве: страховка за его жизнь — вот то единственное, что может помочь продержаться семье... Спокойно, тихо, весь поглощенный этой мыслью, Вилли произносит: «Смешно, не правда ли?.. Мертвый ты стоишь больше, чем живой». От видимого спокойствия слова кажутся еще более страшными, трагичными.

Иной характер, иная человеческая судьба, иное мироощущение — Бубнов в спектакле «На дне»... Сидит на грубо сколоченном лежаке этакая угрюмая, совсем одичавшая, одетая в лохмотья громада, занятая жалким, никчемным делом: из рваных штанов выкраивает картузы... Громада человечья — и вдруг этакое занятие! И вдруг громада эта смотрит на руки свои с удивлением и недоверием: «Такие, брат, руки были — желтые по локоть!» Был человек, был! Делом, полезным для людей, занимался! Был — значит, не совсем еще пропал! И сейчас еще не угасла в нем надежда на возрождение...

Отсюда и вырастает праздник Бубнова—Толубеева в последнем акте. Во всю ширь души своей угощает он обитателей ночлежки. Праздник!.. Гуляет душа, веселится! Бубнов сидит неподвижно, а ноги сами пляшут,— от радости, что живет на свете и что жизнь, как ни горька она, ни тяжела, дарит человеку свои радости... И вот уже готов толубеевский герой делиться радостью этой со всем светом! Трактир открыл бы для бедняков, будь у него деньги! «С музыкой и чтобы хор певцов!..» Огромная, нежная любовь к людям переполняет громадину... И выплескивается любовь, без рассуждений, с верой в добро, в его всепобеждающую силу.

Поистине человек — это звучит гордо!..

Но как бы ни были разнообразны образы, воплощаемые Толубеевым, в каждом из них всегда узнается художник, их создавший. И не о внешних чертах облика идет речь, а о глубине и масштабности художественного мышления актера, о могучей силе таланта, об активности гражданской, партийной позиции, о страстности отношения к жизни, о его любви и ненависти. И естественно выстраиваются в единый ряд образы советских людей, созданные актером в разные годы,— директор оборонного завода Мирон Горлов из «Фронта» А. Корнейчука, офицер Сафонов из «Русских людей» К. Симонова, генерал Пантелеев из «Победителей» Б. Чирскова, ученый Абуладзе из «Великой силы» Б. Ромашова, парторг колхоза Оспищев из «Инея на стогах» Л. Моисеева.

Несмотря на их человеческое разнообразие, они объединены высокой поэтической мыслью актера, его стремлением раскрыть душевное благородство современника, нравственную красоту,— утвердить ее как эстетическую норму взаимоотношений людей в нашем обществе. Правофланговым же в этой шеренге наших современников как раз и остается рабочий Илья Журбин, которому актер отдал столько сердечного жара, столько любви.

— Если бы возможно было,— говорит Юрий Владимирович,— я мог бы сыграть каждого из четырех поколений славных корабелов. Каждый из Журбиных мне близок и понятен. Я вижу, как передается высокая душа от отца к сыну, от сына к внуку...

Вспоминая могучий сценический образ Ильи Журбина, удивляешься тому, что иные критики, как, например, Р. Беньяш, автор книги о ленинградских актерах «Без грима и в гриме», характеризуя творческий облик Ю. В. Толубеева, умалчивает о Журбине. Странная это забывчивость, поистине трудно объяснимая!..

Славу принес Юрию Толубееву театр, его родная пушкинская сцена. Разумеется, немало сделано актером талантливого и яркого и в кино и на телевидении. Но все же не на них зиждется его всенародное признание. Объясняется оно десятилетиями каждодневного упорного сценического труда, постоянной глубиной жадно ищущей мысли, подлинной зрелостью таланта и мировоззрения... Громадная же требовательность художника к себе все равно растет с годами.

Именно на этом и основан громадный художественный авторитет Толубеева в его родном городе, во всей стране. Не случайно Юрий Владимирович стал одним из инициаторов новых форм содружества искусства и труда — дружбы своего родного пушкинского театра и коллектива завода «Электросила». Не случайно он входит в состав художественной коллегии, руководящей жизнью старейшего русского театра, определяющей его эстетический курс. Не случайно он, член президиума правления Всероссийского театрального общества, возглавил после смерти Н. К. Черкасова работу Ленинградского отделения. Не случайно, а именно по праву высокого, непререкаемого художественного авторитета!..

...Идет по Невскому проспекту седой, красивый человек. Встречные узнают его, оборачиваются, кланяются.

Выросший на рабочей окраине родного города, человек этот неотделим от него. Как неотделим от города Ленина и Театр, на сцену которого выходят ежевечерне выдающиеся, любимые народом мастера искусства сцены: Толубеев, Борисов, Меркурьев, Горбачев...

НЕТ, НЕ ОСЕНЬ!

Река берет свое начало от ключей, чтобы потом устремиться к новым рекам. Так и поэт начинается со своей темы, а после она сливается с другими, как река с рекой, как дорога с дорогой. Читая новую книгу Виктора Яковенко, ясно видишь истоки его творчества, видишь пейзаж донецкого края и пристрастие автора к родным местам.

Книга Виктора Яковенко не повторение уже сказанного. Ее непохожесть в конкретности, в своем особом восприятии мира. Одно из первых стихотворений книги, «Криничанская вода», как раз и говорит о таком поэтическом истоке образа Родины. Эта тема звучит и в стихотворении «На рыбалку». Здесь она вылилась в образ дороги, ведущей от криничанских ставков в просторы большой жизни.

Дорога,
Пусть не звездная —
Земная,
Однажды вдруг увлекшая мальца,
Такой короткою считал тебя тогда я,
Теперь я вижу:
Нет тебе конца...

В творческой индивидуальности поэта отчетливо проявилась его рабочая биография. Общение с людьми труда подсказало автору и мысли будущих произведений, и, быть может, с тех пор появились у него гордое сознание нужности людям, уверенность в своих силах.

Много свежести и своеобразия в стихах В. Яковенко о природе. Она помогает автору увидеть не только то, что сейчас является его глазам, но и то, что скрыто за далью времени. Например, такое историческое зрение поэт обретает в стихотворении «Дорога, дальняя дорога...».

Не все стихи в книге равноценны. Есть и такие, где восприятие жизни вторично. Наверно, такие стихи есть у каждого поэта, и что-то важное и нужное он говорит в них, но сказанное не вызывает ответных чувств.

Но в целом книга Виктора Яковенко производит хорошее впечатление. Сила ее — в причастности автора к большим делам эпохи, в трудовом единении с людьми разных профессий, и мы верим вместе с поэтом, что главные его открытия еще впереди.

Ник. КУТОВ

Виктор Яковенко. Нет, еще не осень. М., «Советский писатель», 1973, 80 стр.

ТУНДРА СТАЛА МЕНЬШЕ

Анатолий ЛЬВОВ

Фото Г. ВОЛКОВА,
Ю. ИЩЕНКО,
В. ЧИН МО-ЦАЯ
и А. ШУМАКОВА.

...Разговоры о весне в Норильске начинаются сразу же, как только покажется солнце, даже чуть раньше — оно еще лишь угадывается за обложным снежным облаком, а уже:

— Солнце видали!— вместо «здрасьте».

Первой его видит гора. Гор в норильской долине много — Барьерная, Двугорбая, Зуб... Но если говорят просто «гора», «был на горе», имеется в виду Рудная, и даже не она сама, а находящийся на ней рудник «Медвежий ручей». Он и есть начало горно-металлургического комбината.

Была гора как гора, с каменистой вершиной и безлюдными склонами. За три десятка лет взрывники и экскаваторщики вынули из нее руды и породы на добрую египетскую пирамиду. С верхних горизонтов «Медвежьего ручья» и замечают обычно первый луч после полярной ночи. Это бывает в середине января, и по городу ходят слухи: «Говорят, на горе уже видели...»

Первый луч — первая ласточка, которая, как известно, весны не делает.

...Весь январь стоят под окнами пятидесятиградусные морозы. Зима мешает школьным каникулам. Не елкам, понятно, но прогулкам на лыжах, во всяком случае. Обмануть зиму можно — улететь с туристскими путевками «на материк»— в Москву, Пятигорск, Феодосию... Бывает, прозвенит звонок, а зима свое:

— Отменяются занятия в школах города и поселков с первого по пятый класс.

Кто более всего недоволен! Естественно: шестиклассники, им идти в школу. А младшие, выслушав радиообъявление, притворно вздыхают.

— Телевизор не забудьте включить! — уходя на работу, напоминают родители.

Уроки все равно будут: по телевидению.

...Февралю полагается быть ветреным, а он тут обычно натаскивает в город из тундровых низин туманы, и те шляются вдоль магазинных витрин, забредают в подъезды, перегораживают улицы так, что еле видны противотуманные фары автомобилей.

Зима в Норильске многолика. То угрюмая и колючая, то с такой вот чередой лохматых туманов... Или, скажем, пожалует пурга. Это обличье зимы — самое злое. Рядом с пургой и суровый мороз покажется немощным старикашкой. Но нет хуже, когда они действуют сообща. Такую погоду не оценить ни Цельсию, ни ветромеру. Счет идет на баллы жесткости.

Двадцать «минусов» по Цельсию при полном штиле — это всего двадцать баллов жесткости, почти курорт. Когда же минус двадцать да ветер двадцать метров в секунду — это уже не сорок, а все шестьдесят баллов жесткости (прибавляется удвоенное число скорости ветра).

Порой и в начале весны бывает восемьдесят баллов — почти Антарктида. В такие дни те, кто может, норовят из дома не выходить. В окна смотрят. А видимость нулевая. У людей, занятых борьбой со снегом, на вооружении десятки автогрейдеров, автошнекороторов и бульдозеров. Но порой и они не справляются, и тогда заминка оборачивается сотнями опозданий к рабочим сменам на заводах, стройках и рудниках, несмотря на то, что коэффициент выхода автобусов на линии превышает плановый.

Но люди упорны — цех электролиза меди дает сверхплановый металл, на «Медвежьем ручье» грохочут взрывы, подземные горизонты строящегося рудника «Октябрьский»— такого мощного еще не было — становятся день ото дня длиннее на десятки метров (на 800-метровой глубине пурга не мешает). Без перебоев идет природный газ с левого берега Енисея к плавильным печам металлургических заводов и топкам теплоэлектроцентралей. А в концертном зале музыкальной школы берут нарасхват билеты на выступления приезжих артистов.

Погода погодой. Жизнь жизнью. Даже в экстремальных, как часто теперь говорят, условиях. Даже при восьмидесяти баллах жесткости.

Пурга наведывается часто — мартовская, апрельская. Прилетает и в мае — это обязательно. Может и в июне, летом. Она путается под ногами, хлопает форточками, хлещет по лицам, перехлестывает провода, мешает изо всех сил. И все же не может помешать ни норильской весне, ни белым ночам, которые придут 25 апреля. Ни перелетным птицам. Ни строителям, которые поднимают к солнцу 16-этажные дома. Ни шахтостроителям, ни геологам.

Не знаю, что видят сверху птицы. Но люди с высоты птичьего полета замечают: тундра стала меньше! Город отнял у нее долину реки Норильской — от гор до гор. Полтора миллиона квадратных метров укрыл асфальт. Долина разлинована улицами. Сколько их! Скоро будет четыре десятка. Столько, сколько лет строится город. Можно сказать, по улице в год (это если не считать Кайеркан и Талнах — спутники Норильска).

С вертолета виднее половодье норильских огней — желтые строчки уличных фонарей, зеленые буквы реклам, оранжевое зарево шлакоотвала, красные флаги над рудничными копрами... Вот светит «Маяк»— первый из рудников Талнаха. Его младшему брату «Комсомольскому»— четыре года. Ровесник пятилетки, а уже перерос старшего. Третий в семье талнахских рудников — «Октябрьский» родился 31 марта 1974 года, но уже известно, что за ним не угнаться и «Комсомольскому».

...Стоит в снегах город. Здесь есть атомный реактор и Дворец спорта «Арктика», детский сад «Белоснежка» и еще шестьдесят детских садов.

А к востоку лежит огромная горная страна, красивая и таинственная, как сказка, Путорана. Пока там нет ни одного селения, ни одной дороги. Только снег и лед. Но и туда доберутся норильчане, чтобы зажечь свет жизни.

●

Краски полярной ночи.

Звено бригады плотников-бетонщиков возглавляет заслуженный строитель республики Сергей Иванович Алексеев.

На развороте вкладки:

Последний караван.

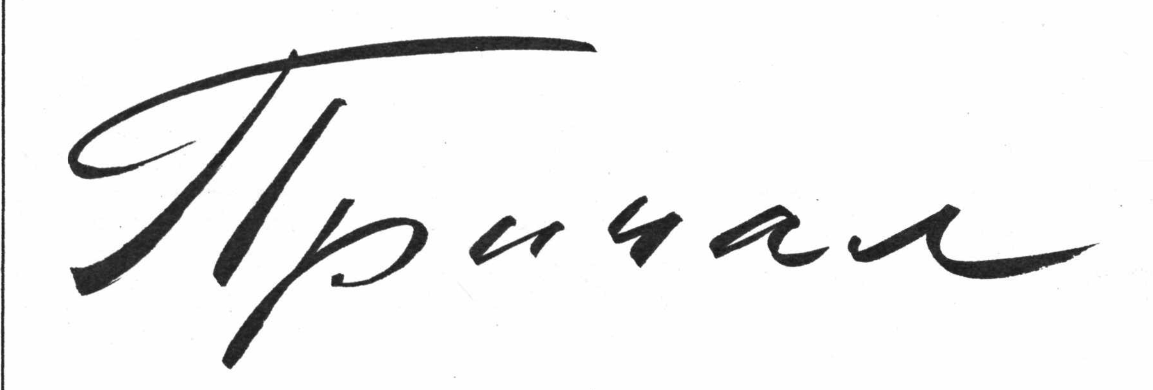
Дегустационный бар «Нектар».

широкоэкранный
им ВИ ЛЕНИНА

Илья ФРЕНКЕЛЬ

* * *

Вот сейчас покажу вам в натуре
Настоящее море. Не то,
Что форсит в нарисованной буре,
Точно франт в заграничном пальто.
Не похоже оно на открытку —
Не лоснится лазурь сквозь глазурь,
А стреляет, не целясь, навскидку
Море в небо зенитками бурь.
Вспоминаю, как голый и босый
Уходил по песку за причал,
Как рыбачий баркас тупоносый
Мне в затылок мотором трещал,
Как мартына метровые крылья
Мне роняли перо на песок...
Нет, совсем ненарочно открыл я
Первозданного мира кусок.
Я сдружился со здешним народом,
К необычному быту привык.
Полюбился мне странный язык —
Говор, пахнущий рыбой и йодом.
Солнце. Тянет смолой от бортов.
Сами варим уху. Без хозяек.
Сколько тут же придуманных баек
Слышал я из обветренных ртов!
А один, тот, что юшку мешал,
Самый старый рассказчик причала,
Говорил, и ему не мешал
Ни прибой, ни что чайка кричала.
Рыбаки усмехались: «Брехня!
Жить и рыбку ловить интересней».
А старик не для них, для меня
Излагал свои саги и песни.
Я же чаячьим длинным пером
Эту прелесть записывал в хате.
Чуть пригладил.
Но нет, — топором
Их не вырубишь.
Так и читайте...

* * *

Сейчас на западе — вчера.
На улицах безлюдно.
Воображения игра,
И к ней привыкнуть трудно.
Москва, и вдруг — Владивосток,
И, очевидец дива,
Я вижу парус-лепесток
На синеве залива...

Еще ты спишь. Еще Москва
Пустынна, безмашинна.
Здесь полный полдень — даль морская
Блестит крылами джинна.
Не верю, сам себя щиплю
И слышу крики чаек.
Где б ни был, я тебя люблю
И по тебе скучаю.

МАЙСКИЙ ЦВЕТ

Черемуха, черемушка — медовая волна.
Уральская сторонушка, родная сторона.

Цветет на улицах ранет, веселый майский цвет:
Увидеть мой Курган в цвету мечтал я много лет.

И вот Курган вокруг цветет, я горд, что в нем рожден.
И, словно благовест, плывет над ним пчелиный звон...

СНЕГ

Снег летает,
Струится поземкой зигзагообразной,
Заметает,
Переметает,
Фиолетовый, розовый, разный,
Полный морозного шороха,
Грозный и грязный от пороха...
Снег военный.
Графленный осколками минными,
Клейменный бурыми и карминными
Лужицами,
Снег, овеянный ужасами.
Снег военный,
Незабвенный,
Кровавый и кровный,
Подмосковный,
Курский и тульский,
Невский и нарвский,
Яркий и тусклый...
Снег витает,
Прядает,
Ниспадает и падает.
Снег глаза мои радует.
Снег за сердце хватает.
Снег спокойно лежит
И, когда надлежит,—
Просто тает.

МИРНЫЙ МИР

Мир войны совсем не прост —
Мир солдат и командиров...
Железнодорожный мост
Был в числе ориентиров.
Но ведь с яблонь цвет летел,
Скипидаром пахли сосны.
Жег июль. Октябрь желтел.
И отдельные высотки,
И часовня, и погост,
И базар грачиных гнезд
Не укладывались в сводки,
Где природа — лишь деталь
Уточненной обстановки.

Но какая, к черту, даль
Без березки, без коровки?
У природы смысл иной:
Штык штыком, мундир мундиром.
Пусть война: война войной,
Но и мир остался миром.

ТО ПЕРОМ, ТО ОГНЕМ...

Больше белых, чем черных, волос у меня,
Я, пожалуй, с полвека отцом называюсь,
И все время тружусь, то и дело сражаюсь:
Мне с избытком хватает воды и огня.
Не поверю, что счастье — родиться в сорочке,
А покой, это — с ложечки кормят тебя.
То пером, то огнем я пишу свои строчки,
Находя и теряя, губя и любя...

СЕРЕНАДА

В ночном мерцанье цвета вишенного
Мне чудится скопленье звезд.
Но что земному до возвышенного?
Я — тут. Я заступил на пост.
В домах спят женщины и дети.
В саду струится лунный дождь.
Приходят мысли о планете,
Когда впервые на рассвете
Пробился самый первый хвощ.
И, словно в первый день творенья,
Стихотворенье-часовой
Хранит от гибели растенья
И заслоняет их собой...

Вкруг часового тьма таинственная,
И люди спят средь темноты,
А рядом дышишь ты, единственная,
И молча тень моя воинственная
Стоит на страже красоты.

* * *

За Третьяковской галереей
Сегодня я слыхал скворца —
Он самкам волновал сердца,
Качаясь, как матрос на рее,
На ветке тополя.
И мне
Так стало вольно, так беспечно —
Пускай на миг, пусть не навечно,
Поскольку май идет к концу...
Через неделю будет лето.

Поэт всегда поймет поэта —
Я помахал рукой скворцу.

Самая северная в стране секция велоспорта.
Норильский энергопейзаж.

1

2

3

ПАМЯТЬ

Великая Отечественная война... Кто прошел по ее опаленным дорогам, кто защитил в суровую годину честь и свободу Родины, тот навсегда хранит в сердце память о минувшей войне.

«Мне никогда не забыть...» — эти слова часто звучат в письмах фронтовиков, присланных в редакцию «Огонька». Солдаты Отчизны, стоявшие насмерть на огненных курских полях, в накаленных холодом окопах ленинградской блокады, штурмовавшие Кенигсберг и Берлин, вспоминают в этих письмах о героях-однополчанах, о славном боевом пути полков и дивизий, о погибших в бою товарищах...

«Наверное, нет семьи, не потерявшей на войне близкого человека... — пишет минчанин Анатолий Никифоров. — Откройте любой семейный альбом, вглядитесь в фотографии на стенах крестьянских изб, и вы увидите лица тех, чьи жизни оборвала война. Память о ней потому и вечна, что это память всего народа».

Время неумолимо отсчитывает уходящие годы. И двадцатилетним солдатам, стоявшим насмерть у стен Ленинграда и Москвы, сегодня за пятьдесят. Но минувшие десятилетия не властны над памятью фронтовиков...

«Мне кажется, что я лишь вчера вернулся с войны, — пишет алмаатинец Анатолий Гордов, — так отчетливо помнится каждый фронтовой день. Словно совсем недавно отгремел тот памятный бой у Верхне-Кумского, в донской степи. Тогда, в декабре сорок второго, танки Манштейна рвались к окруженной в Сталинграде армии Паулюса. Стоял жестокий мороз, но мы трое суток не отходили от орудий, отражая вражеский натиск на берегу безвестной реки Мышкова. Погибли или были ранены почти все бойцы нашей батареи, осколком перебило мне руку. Но кто еще мог стоять на ногах, не покидал орудий. В намокших от крови бинтах, скинув в снег полушубки, батарейцы яростно били в упор по танкам. Мы тогда выстояли... Но сколько бы ни прошло лет, я буду слышать те залпы...»

Многие ветераны войны прислали в «Огонек» фотографии товарищей по оружию. Вот уже тридцать лет эти снимки хранятся в семьях фронтовиков как самое дорогое воспоминание о трудной военной молодости, о нерушимом фронтовом братстве.

Читатель Р. И. Бехтерев, прошедший боевой путь от Дона до Эльбы, пишет в редакцию: «Вы часто публикуете материалы о героических делах пехотинцев и летчиков, моряков и танкистов. Все фронтовики горячо благодарят вас за это. А я хочу рассказать о людях редкой, но поистине героической воинской специальности — о понтонерах. Помните строки из поэмы Александра Твардовского? «Переправа, переправа! Берег левый, берег правый, снег шершавый, кромка льда... Кому память, кому слава, кому темная вода...» Много было за войну таких памятных переправ. На Дону и Днепре, на Висле и Одере беззаветно выполняли свой долг труженики войны — героические понтонеры.

Посылаю вам дорогой мне снимок бойцов и командиров 23-го Отдельного понтонного мостового батальона (фото 1). Боевое крещение батальон получил на Воронежском фронте. Тогда в лютый мороз бойцы за одну ночь возвели мост через Дон и обеспечили переправу танкистам, наносившим удар на Кантемировку.

Никогда не забыть и переправу у Канева на объятый огнем берег Букринского плацдарма. Вода буквально кипела от разрывов бомб и снарядов. Первыми пошли к правому берегу понтоны, ведомые старшим лейтенантом Шестовым (он на снимке в третьем ряду, второй справа). Враг еще более усилил обстрел, но понтоны упорно шли к берегу сквозь этот кромешный ад. Десятки раз переправлял стрелков через Днепр старший лейтенант Шестов. За этот подвиг он был награжден орденом Ленина.

Под жестокой бомбежкой вели на плацдарм понтоны с танками и орудиями старшие сержанты И. А. Тутаев и В. Е. Дерягин (на фото они в третьем ряду, пятый и третий справа). Оба были награждены за Днепр орденами Красного Знамени.

На самых тяжелых и опасных участках переправы бойцы батальона всегда видели своего командира — подполковника Алексея Петровича Тихонова (фото № 2). Хорошо помню его на дымном днепровском берегу. С великой выдержкой и умением комбат под ураганным огнем руководил действиями батальона. За проявленное личное мужество ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Южнее Варшавы мы переправили на правый берег стрелковый батальон. И тут же гитлеровские самолеты буквально вздыбили воды Вислы... Решаем ждать темноты. Но вот узнаем: пехота из последних сил держит плацдарм, на исходе боеприпасы.

Тихонов вызвал добровольцев. И тогда в ходящую ходуном воду скользнули понтоны лейтенанта Петрова... Осколки прошивали борта, выходили из строя бойцы, погиб и лейтенант Петров... Взяв на себя командование взводом, ефрейтор Касимов довел понтоны до плацдарма (на фото он во втором ряду, четвертый справа).

Последние месяцы войны батальоном командовал Герой Советского Союза подполковник А. Д. Потопольский. Под руководством этого умелого и отважного командира воины батальона наводили переправы через Одер, Нейсе и Шпрее (на фото он в центре четвертого ряда).

Май сорок пятого батальон встретил на Эльбе. Многих товарищей уже не было с нами... На памятном параде Победы прошли по Красной площади в рядах сводного полка 1-го Украинского фронта воины нашего батальона — старшие сержанты Тутаев и Дерягин.

Почти тридцать лет храню я эту дорогую фотографию. И мечтаю в день тридцатилетия нашей великой Победы встретиться с боевыми товарищами. Я уверен — они отзовутся! Пусть напишут мне в Вильнюс, проспект Ленина, 48, кв. 2».

В трудный для Отчизны час весь народ поднялся на борьбу с ненавистным врагом. Никогда не изгладится в памяти поколений ратный и трудовой подвиг советских женщин в суровую годину Отечественной войны. Фронт требовал снаряды и танки — и они не выходили из цехов по шестнадцать часов в день. Фронту нужен был хлеб — и они работали в поле от темна до темна. На фронте погибали мужья и братья — и они становились в воинский строй...

На фото № 3 — взвод связи Волховского фронта. Вгляди-

4

5

6

СЕРДЦА

тесь в лица дочерей нашего народа... Многим из них не было и двадцати лет, когда наравне с мужчинами они несли все тяготы фронтовой жизни. Снимок сделан осенью сорок первого года, перед труднейшим рейдом по тылам немецкого моторизованного корпуса, наступавшего на Тихвин...

«В составе оперативной группы мы пробивались навстречу войскам 54-й армии,— вспоминает участница этого рейда Т. С. Царева-Филатова (на фото она в первом ряду, вторая справа).— Много дней мы шли по глубокому снегу, по замерзшим болотам, неся на себе аппаратуру связи, ящики с патронами, а иногда и раненых. Бывало, не останавливаясь, в мороз проходили за сутки по пятьдесят километров.

В воздухе висели вражеские самолеты, каждый день то впереди, то сзади вспыхивали яростные бои. Дважды нас окружали гитлеровцы, но мы прорывались, дружными атаками разрывая вражеское кольцо. И часто в передних цепях наших войск, увлекая за собой бойцов, шли мои подруги — связистки...

Это были замечательные девушки! Помню, как в голодную зиму сорок второго они добровольно отдали часть своего скудного фронтового пайка для осажденного Ленинграда. Я горжусь, что долгие годы войны была вместе с ними, в славном 89-м отдельном полку связи.

Как хотелось бы встретиться со своими боевыми подругами, вспомнить нашу военную молодость! Жду их писем в город Белев, Тульской области, ул. Карла Маркса, 110, кв. 5».

А вот другое письмо. «Зимой сорок второго, во время атаки под Ржевом, я был тяжело ранен. Долго полз по снегу, потом потерял сознание. Помнится, подумал, что не найдут в такую метель... Но когда снова пришел в себя, увидел, что меня тащит на плащ-палатке наша медсестра Таня. Как мог, помогал... но сил почти не было. Снег валил густо, и мы сбились с пути. К вечеру наскочили на немцев...

Их было шестеро, и они шли прямо на нас. «Есть у тебя гранаты? — тихо спросила Таня. «Две» — я показал на подсумок. И тут же нас заметили гитлеровцы. Они остановились и что-то прокричали нам. Потом, разглядев, вскинули автоматы... Но на миг раньше Таня швырнула им под ноги «лимонку». Немцы попадали в снег, но, видно, четверых порешила граната. Только двое теперь вели огонь в нашу сторону.

Перед глазами плыли круги, я едва нажимал на спуск автомата... Но медсестра сражалась с отчаянной смелостью. Коротким был бой, но яростным, ведь обе стороны стреляли с двадцати шагов. Таня бросила последнюю гранату, взрыв полыхнул так близко, что осколок рассек ей щеку.

Выстрелы стихли. Мы чуть отдышались и поползли снова... «Завяжи щеку,— сказал я Тане,— давай помогу». Она дотронулась до лица и только сейчас заметила, что ранена. Коекак мы забинтовали рассеченную щеку, и тут я увидел, что Таня опустилась на снег и без удержу плачет.

Ночью нас подобрали свои. Меня отправили в тыловой госпиталь, и больше я не встречал медсестру.

У меня нет ее фотографии, мне неизвестна даже фамилия. Но я не теряю надежды ее найти.

Редакция «Огонька»! Прошу вас, напечатайте это письмо, может, прочтет его Таня, что спасла меня от смерти в том бою под Ржевом... Жду ее письма в Донецк, на улицу Богданова, 19».

Как часто читаем мы в письмах: «Я хочу узнать, как погиб мой отец» или «Помогите найти однополчан погибшего сына». Эти горестные слова о тех, кто не вернулся с войны. Миллионами жизней заплатил наш народ за победу над заклятым врагом, и каждый павший на поле боя был чьим-то близким, единственным человеком... Потому и поныне живет в сердце народа боль неисчислимых утрат. «Может быть, кто-нибудь помнит...» — обращаются к фронтовикам родные погибших...

«Прошло тридцать лет, как окончилась эта война, а я до сих пор не знаю о судьбе моего сына. В июне 1941 года он окончил 3-е ленинградское артиллерийское училище и был направлен на Южный фронт. От него не пришло ни одного письма...— пишет мать лейтенанта Арона Борисовича Волошина. Высылаю вам фотографию моего сына, отдавшего жизнь за Родину (фото № 4). Может быть, кто-нибудь знает о его военной судьбе, пусть напишет... Мой адрес: г. Киев, ул. Ровенская, д. 6, кв. 1».

«Высылаю вам снимок, сделанный в феврале сорок второго на Южном фронте (фото № 5). Слева, в нижнем ряду мой брат Бабаев Хачатур Герасимович. Во время боев в Сталинграде я получил от него «треугольку», в которой брат написал, что тяжело ранен. На этом связь оборвалась. Последний номер полевой почты — 803, политотдел дивизии. Хочу надеяться, что фронтовые товарищи брата отзовутся. Пусть напишут в город Баку, 370040, п. Разина, ул. Шаумяна, 14, кв. 30, Бабаяну Б. Г.».

«18 апреля 1945 года в ожесточенном бою под Котбусом был ранен мой фронтовой друг старший лейтенант Виктор Владимирович Соколов. Вместе мы учились в Харьковском танковом училище, вместе прошли войну в рядах 327-го гвардейского самоходно-артиллерийского полка.

Виктор Соколов был ветераном части, бесстрашным и умелым командиром. Он прошел со своей батареей сквозь огонь сражений у Сталинграда и Смоленска, участвовал в боях на Сандомирском плацдарме. И вот, когда осталось несколько дней до конца войны, Виктор был тяжело ранен. Его вывезли с поля боя на самоходке. Мне удалось ее догнать и на ходу вскочить на броню, но он не мог говорить и только тяжело стонал...

Я знал, что его родные жили в Сумской области, но точного адреса не имел. Все мои розыски после войны окончились неудачей. Выжил ли тогда мой друг? Посылаю его фронтовой снимок, сделанный летом сорок четвертого (фото 6). Жду ответа по адресу: г. Брянка-1, Ворошиловградской области, ул. Минская, 21-2, Щедрин П. П.».

Отечественная война огненным рубежом прошла через судьбы миллионов людей... И память о ней незатухающим пламенем живет в сердце нашего народа. Она живет и в том огромном потоке писем, что идет в «Огонек» со всех концов нашей Родины. В год 30-летия нашей Великой Победы редакция продолжит публикацию военных воспоминаний наших читателей. Ждем ваших писем, дорогие друзья!

Олина елочка совсем маленькая, а у дикторов Центрального телевидения Анны Шиловой, Игоря Кириллова и Валентины Леонтьевой, которые будут вести новогоднюю программу, елка на всю страну.

А. БОЧИНИН,
Ю. КРИВОНОСОВ

Вокруг елки

Ну и забот с этой елкой! Одни начали ее требовать еще летом — план годовой досрочно выполнили, другие малость подотстали — на осень встречу Нового года перенесли, а остальные теперь вот просят: дайте елки! Прежде в эту пору бывало — леса трещат! Нынче, правда, полегчало — промышленность к этому делу подключилась. Одна только московская фабрика художественных изделий «выращивает» в год по три миллиона елочек — ростом от восьми сантиметров до полутора метров: выбирай по вкусу, и не на раз, а на годы — больно прочная иголка из пластмассы получается, не опадает. Глядишь, за один праздник — три миллиона деревцев в лесу целехонькие. А за десять лет тех миллионов — тридцать — тайга!

Но елка на Новый год сама по себе не бывает — ее оснастить надо — и игрушками и подарками. Телевидение даже целую программу «под елку» готовит, и потому под праздники в магазинах «Телерадио» большое оживление: многим хочется посмотреть эту программу по новому телевизору, может, даже и по цветному.

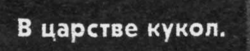
Подарков покупаются горы. Раздаривают их и детям и взрослым. А есть и другие подарки — общие, всем сразу, такой и в дом-то не внесешь,— это, скажем, новая домна или целые жилые кварталы, заводы, магазины, дома культуры, да мало ли чего еще... Недаром же это такой веселый праздник — Новый год, когда и назад оглядываются и вперед забегают и взглядом, и мыслью, и делом. Потому-то нам так радостны ежегодные хлопоты вокруг елки.

Праздничный сюрприз.

Комментарии излишни.

В царстве кукол.

А елочку для них сделала Надя Баций, работница фабрики художественных изделий.

Дед Мороз или Снегурочка!

Шары, снежинки, мишура...

У Тани Клевцовой и Саши Барашкова свадьба 31 декабря.

БЕЛЫЕ КОНИ

Шмавон
ТОРОСЯН

СПЕШУ Я...

Спешу я...
Где-то ждут
Меня, еще не зная,
Что опоздать нельзя мне.
И не знают,
Что там я очень нужен:
Коль успею,
произойдет
Хорошее и доброе...
А если
В срок не приду,
Беда случиться может...
О как я нужен там —
Не опоздать бы!
Еще помочь кому-то
Можно
и подставить
Плечо свое...
И сразу легче станет...
Вот почему ни днем,
Ни в ночь глухую
Мне нет покоя...
Все спешу,
Спешу я...

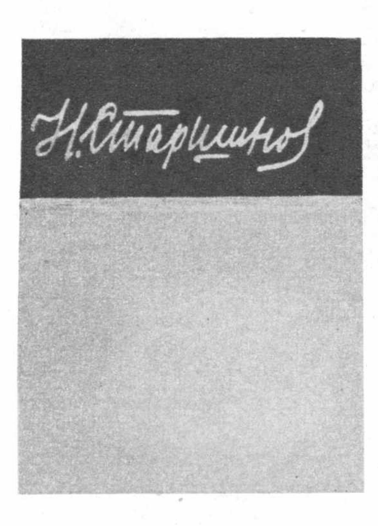
Перевел с армянского **О. ЗВЕРЕВ.**

* * *

Глыбятся синие тени кругом,
Лунною
Мглой завалило дорогу,
Волны друг с другом
Сшибаются лбом,
Эхо грохочет в скалистых отрогах.
Небо как будто разверзлось,
Треща,
Глуби морские
Все тягостней стонут...
Пенные гривы в ветрах полоща,
Мечутся волны,
Как белые кони.
Скачут,
Сбиваясь вдали в табуны,
Катятся к берегу,
Как от погони,
Береговые дробя валуны,
Белые кони,
Белые кони.
Без седоков,
Без смирительных узд,
Где-то, вдали,
Их безжалостно скинув,
Как надоевший,
Мучительный груз,—
Мчат,
Изогнув мускулистые спины.
Мчатся,
О скалы изранив хребты,
У гуртового безумья в полоне
Дети стихийной
Шальной красоты —
Белые кони,
Белые кони,—
Вихри
Глубинных кровей голубых
В яростном храпе
И пене соленой...
Кто взгорячил
Необузданных их,
Кто укротит
Их табун всполошенный?
Белые кони!..
Лиловая темь...
Мир затаился,
Как будто в испуге,
Слышится лишь,
Как гремят надо всем
Белые кони,
Как белые вьюги:
Над автострадой,
Над дальней горой,
Над кораблями
В уютном затоне,
Над виноградником,
Спящим зимой,
Белые кони,
Белые кони...
Белая пена,
Как белая кровь,
Небо нависшее
В сполохах белых,
Но из пучины разверзшейся
Вновь
Мчится на берег
Табун ошалелый.
И нескончаема
Их череда,
Незатухающи
Громы погони...
Зимних штормов
Буревая страда...
Белые кони,
Белые кони...

Перевел **С. ПОЛИКАРПОВ.**

РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Ты, наша юность, пламенем пожаров
И отсветом ракет озарена...

Первые стихи Николая Старшинова помечены 1943 годом, и рождались они непосредственно на фронте — в окопах, под огнем врага. Сквозь тяготы войны, сквозь ее суровые будни лирический герой Старшинова пронес непоколебленными жажду подвига, горячий патриотизм, солдатскую дружбу.

С тех пор Н. Старшиновым опубликовано более десятка поэтических книг, сборник рассказов «Белый камень». Новый сборник — избранное. От первых стихотворений с их героическим пафосом и публицистической направленностью поэт шел к жанровой широте и интонационному разнообразию. Стихи последних лет — раздумчивые, обращенные внутрь природы и человека, внимательные к труду и судьбе людей.

Темы природы, Родины, труда на земле сплелись воедино в творчестве Николая Старшинова. «Над Непрядвой», «Подмосковной природе»— здесь слышен голос бойца-патриота, защитника родной стороны. В поздней лирике сборника этот мотив обретает новые краски.

В вечном движении и изменениях окружающего мира поэт видит сходство с человеческой жизнью. Покой и застой равно противопоказаны человеку и природе,-говорит поэт в стихотворении «Уже прохладою вечернею». В стихотворениях «Была над рекою чаща...», «Розовая облачная пена...» Н. Старшинов присоединяет свой голос к тем, кто выступает в защиту природы. Некоторая декларативность, риторичность этих стихотворений оправданы, пожалуй, общественной значимостью и остротой самой проблемы.

Подлинный герой творчества Старшинова — человек из народа, труженик земли. Из войны, из жизни лирический герой Старшинова вынес убеждение, что человеческая жизнь ценна самоотверженным трудом, товариществом, а также упорством и стойкостью. Сердце автора и лирического героя отдано именно таким людям.

Неунывающий дух живет в Семеновне, героине одноименной поэмы, одинокой женщине, вынесшей на плечах войну и нужду, вырастившей пятерых детей. Тяжелая жизнь Семеновны, ее упорство в преодолении невзгод, которые посылает ей жизнь, становятся для автора символом стойкости, оптимизма и духовной силы родного народа.

В поэме Старшинов использовал народные стиховые традиции, обратился к частушке, с успехом ввел их в образный строй и ритм своей лирики.

Любовь к жизни — сложной, противоречивой и драматической и одновременно прекрасной и таинственной — сочетается у Старшинова с гимном творчеству и труду на благо родной земле:

А друзья всё уходят,
Оставляя живущим на добрую память
Кто — сады в розоватом цветенье,
Кто — плотины из камня и стали,
Кто — томик стихов голубой...

О, земля,
Вся в нежнейших сверкающих
Ландышах белых,
Вся в репейниках бурых с шипами,
Что мне сделать такое,
Чтоб вовек не расстаться с тобой?

Н. КАЙДАЛОВА

Николай Старшинов. Стихи. М., «Художественная литература», 1974, 288 стр.

Е. Моисеенко. КОМИССАР.

Выставка произведений членов Академии художеств СССР.

Л. Бродская. БАРГУЗИНСКИЙ ЗАПОВЕДНИК.

Выставка произведений членов Академии художеств СССР.

ДЕНЬ, НОЧЬ И СНОВА ДЕНЬ

Борис ЛАСКИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ПОВЕСТЬ

9

Вот что значит лето — еще только шесть часов утра, а уже совершенно светло. За открытым настежь окном зеленеют верхушки пирамидальных тополей, и над ними длинные стрелы кранов указывают в разные стороны.

Надя склонилась над столом, она писала письмо своей верной Алене. Писать удобно, тихо, ничто не отвлекает. Алена, конечно, удивится, когда получит ее письмо. А впрочем, чего ей удивляться, все же самая близкая подруга — сколько лет на одной парте просидели и восемь классов вместе закончили. Алена подала в музыкальное училище. Она уже второй год играет в ансамбле народных инструментов на мандолине. Конечно, если бы она играла на скрипке или, того лучше, на арфе, было бы гораздо эффектней, но мандолина тоже ничего. Инструмент из группы щипковых, а скрипка и виолончель — те из группы смычковых.

Надя почертила «шариком» по газете — пишет хорошо, пасты хватит.

На раскладушке на пороге маленькой комнаты спал Павлик. Как он выдвинул свою раскладушку, так она и осталась. Он спал, уткнувшись лицом в подушку. Руки, как при зарядке, разведены на ширину плеч, кисти сжаты в кулаки. Если сейчас поднять раскладушку вместе со спящим Павликом и поставить ее вертикально, получится, что Павлик застыл в боксерской стойке — а ну, подходи любой!..

Надя посмотрела в окно, чирикнула прилетевшему на подоконник очень озабоченному воробышку и перечитала написанное. Письмо получается длинным, но ничего, Алена прочтет не отрываясь. Она же понимает, что, кроме ее щипковых, в жизни есть кое-что не менее интересное.

Надя прислушалась, ей показалось, что Павлик проснулся и смотрит на нее. Нет. Ничего похожего. Электромонтажник Коротеев спит, как сурок, и неизвестно кому грозит во сне кулаком.

«...Ты, конечно, удивишься, скажешь, только уехала — и сразу письмо. Кстати, я вернусь домой раньше, чем ты его получишь. Но это неважно.

Я сижу в большом новом доме, на шестом этаже, у окна. В соседней комнате спит П. Ты, наверно, заметила, Алена, когда твои родители утром просыпаются, несмотря на то, что на работу они уходят вместе, первой всегда встает мама, женщина. И у себя дома я тоже сколько раз это замечала. А знаешь почему? Потому что у нас, у женщин, есть такая черта характера — проявлять заботу о главе семьи. Он еще только проснулся, а жена уже ему говорит: «С добрым утром!..» Я проснулась давно, но будить П. не хочу. Пускай спит. У меня пока что нет такой черты характера — проявлять заботу о главе семьи. Эта проблема у нас с тобой не стоит на повестке дня.

П. мне очень нравится. Он скромный, очень надежный и чистый в моральном отношении. Я ему об этом, конечно, не сказала, но я уверена, он и сам это чувствует. Я тебе уже на первой странице написала, что у него дед — Герой Советского Союза и в его честь даже названа улица, но ведь П. мне про это не сразу сказал, вот, мол, какая я славная личность — отойди, подвинься, или же, наоборот, подойди, придвинься. Но П. так все интересно преподнес, приеду — расскажу. И особенно, Алена, в нем то хорошо, что он нисколько не похож ни на Эдика, ни на Юрку. Нет! П. совсем другой...»

Надя взяла новый листок, написала в правом верхнем уголке цифру «три» и оглянулась на Павлика: вдруг он уже не спит и читает ее мысли. Но Павлик все еще спал, хотя уже не был похож на боксера. Теперь он лежал на боку, подсунув под голову ладони.

«Вчера,— продолжала писать Надя,— он вдруг сказал мне: «Надя, я тебя сейчас поцелую»,— а я ему сказала: «Не разрешаю». И П. сказал: «Извини».

Она перечитала последний абзац и, подумав, старательно его зачеркнула.

«Посылаю тебе нашу фотокарточку,— писала Надя,— но только умоляю, никому ее не показывай. Карточка получилась не очень удачная. Посмотришь, как будто П. нет до меня никакого дела, и у меня такой же вид. Но это потому, что мы снимались, когда были совсем еще мало знакомы. Я, когда приеду, расскажу тебе, почему у нас так получилось».

Надя вспомнила, как смешно им сказал тогда фотограф: «Каждый из вас возьмет себе ту часть, которую он заслуживает».

«А теперь, Алена, расскажу тебе самое интересное, ты, конечно, мне не поверишь, скажешь, неправда, этого не может быть. Представляешь, мы с П. пришли в зоопарк, подходим к вольеру, где проживает лев со своей львицей. Там такая невысокая загородка, и под ней канавка с водой, которая отделяет публику от хищников. Стоим мы у этой загородки, вдруг я как-то неудачно нагнулась и упала вниз, в воду. Я, конечно, до ужаса перепугалась. Кругом паника. Лев и львица ожидают: что будет? И вдруг мой П. прыгнул за мной, подхватил меня на руки и вынес наружу. Тут все кругом прямо ахнули. Даже лев, и тот, наверно, удивился, какие смелые бывают люди. А П. посмотрел на меня, улыбнулся и говорит: «На моем месте так поступил бы каждый».

Ты все это, Алена, сейчас читаешь и, безусловно, мне не веришь, считаешь, что это я все выдумала.

Теперь, Алена, представь себе, я это не выдумала. Но вообще-то, конечно, в действительности не было ничего похожего. П. все это представил мне как свою фантазию, потом, когда уже признался мне в любви. Я, конечно, посмеялась, а П. жутко обиделся. Он говорит, тебе это показалось каким-то необыкновенным, ты думаешь, что такие происшествия бывают только в художественной литературе или в кино. А я, говорит, искренне хотел, чтоб именно так все и случилось.

Не знаю, как тебе, Алена, а мне не нравится, когда все знаешь заранее. По-моему, в сто раз интересней, когда что-то бывает вдруг, вдруг — встреча, вдруг — приключение».

Павлик заворочался во сне, раскладушка заскрипела, и он открыл глаза.

Он увидел Надю. Она сидела к нему спиной и что-то писала.

Тогда Павлик снова закрыл глаза и заговорил глухо и отрывисто:

— А?.. Что?.. Товарищи... Это какой... торт?.. «Наполеон»? Да?..

Надя уже дописала свое письмо и заклеила конверт. Услышав голос Павлика, она обернулась.

— А кто... испек... торт?.. Не Надя Фирсова?.. Тогда уберите его... Я его и даром не возьму!..

Надя засмеялась.

— Это ты со сна высказываешься?

— Да,— не открывая глаз, подтвердил Павлик,— это у меня такой бред...

— Хороший у тебя бред, Павлик. И, главное, очень по делу. Вставай. Тетя Наташа придет скоро, а нам еще убраться надо как следует. У меня там чайник стоит на маленьком газу. Наверно, уже булочная открылась, я за хлебом сбегаю...

— Спокойно, Фирсова. За хлебом сбегаю я, тем более, что...

Он не успел закончить фразу. Раздался телефонный звонок, громкий и длинный — так звонит междугородная.

Павлик схватил трубку и, дурачась, сказал:

— Але! Коротеев на проводе!..

Услышав ответ, он изменился в лице.

— Да, она здесь. Сейчас передам трубку. Тебя...

Надя взяла трубку:

— Алло!..— Она подняла ладонь, что означало: тише, предстоит непростой разговор.

— Бабуля, это ты?

— Нет, это не я. Это артист Вячеслав Тихонов. Наденька, я получила твою телеграмму. В чем дело? Куда я сейчас звоню?

— Ты... мне звонишь...

— Чей это номер телефона? Ты где, в гостинице? В общежитии! Где ты?

— Я... у тети Наташи...

— У какой тети Наташи?

— Ты ее... пока не знаешь...— ответила Надя. Бабушка была явно встревожена.

— А ты откуда ее знаешь?

— Может, тебе что-нибудь нужно сказать ей по секрету?— спросил Павлик.

— Никаких у меня нет секретов,— на мгновение прикрыв трубку, ответила Надя.

«Жаль,— подумал Павлик,— возможно, если б меня сейчас не было рядом, она бы сказала: «Бабуля, в моей жизни произошло боль-

---

Окончание. См. «Огонек» №№ 50, 51.

шое событие, я встретила человека, в которого сразу влюбилась».

Надя слушала и молчала. В трубке рокотал женский голос, и даже на расстоянии Павлик понял, что на другом конце провода выражается неудовольствие.

— Ты подожди... Подожди!..— взывала к бабушке Надя.— Ты меня выслушай...

Она безнадежно махнула рукой, и этот ее жест обозначал: «Теперь завелась, уже не остановишь».

— Бабуля, ты не даешь мне сказать. Слушай и ты все поймешь... Слушай!.. Был такой Герой Советского Союза Павел Коротеев. У него есть внук, тоже Павел. Он мой ровесник. Мы с ним ночевали у его тети, раньше она была стюардессой, а вчера она ушла дежурить на всю ночь...

В ответ из трубки грянула грозная скороговорка.

«Во дает! Как радиокомментатор, когда свалка у ворот»,— подумал Павлик и отошел в сторонку.

— Надя! — кричала из трубки бабушка, потом началась длинная фраза без пауз, в которую просто невозможно было вставить хотя бы одно слово.— Подумай, что ты говоришь!.. Ты приехала в чужой город, отец с матерью в экспедиции, они сейчас бог знает где. А ты? Ты подумай! Я несу перед твоими родителями полную ответственность за твое здоровье, за твою нравственность, узнаю, что ты, оказывается, проводишь ночь у какой-то стюардессы в обществе какого-то Павла. Надя, мне не тридцать лет, я прожила длинную и не такую уж легкую жизнь, наконец, я прошла всю войну...

— Он тоже прошел войну! — громко сказала Надя и заговорила быстро и путано.— Он был замечательный человек. Он сражался на Курской дуге, здесь, в городе, есть улица, которую назвали в его честь. Он погиб в самый последний день войны, и как ты после всего этого можешь мне что-нибудь говорить...

Павлик почесал в затылке. Лучше бы ему не присутствовать при этом разговоре. Он посмотрел на Надю и с удивлением увидел на ее глазах слезы.

И тогда он принял решение.

— Ну-ка, дай мне трубку!..

Он боялся, что Надя откажет ему, скажет, «не вмешивайся», но Надя, не сказав ни слова, протянула ему трубку.

— Здравствуйте, бабушка! Разрешите мне доложить обстановку...

— Я не командир дивизии, а вы не командир полка,— сказала бабушка.— Я вас не знаю. Передайте трубку Наде!..

— Надя не будет... Надя не может с вами говорить. Она плачет. Почему? Потому что вы ее обидели и зря на нее накричали. Какая разница, сколько мне лет? Столько же, сколько и Наде. Она хорошая девушка, и не надо с нее стружку снимать. Я говорю, не надо снимать с нее стружку!.. Ну, это есть такое выражение на производстве. Токари так говорят. Бабушка, сегодня мы подадим заявление...— Он обернулся к Наде: «Услыхала про заявление и прямо сразу онемела, как моя мама...»

В трубке раздалось какое-то бормотание.

— Вы слышите? — сказал Павлик.— Сегодня подадим заявление и документы в ПТУ и поедем домой. Приходите завтра на вокзал нас встречать.

Он долго слушал и молча кивал.

— Что она говорит? — спросила Надя.

— Подожди... Я точно не знаю, в какой он воевал танковой армии. Знаю, что он был и на Центральном фронте и на Первом Белорусском...

Павлик вытер рукой лоб, обернулся к Наде.

— Она говорит, что слышала такую фамилию — Коротеев и что я должен быть достоин его славного имени...

— Мы будем достойны! — крикнула в трубку Надя.

— Подожди.— Захватив инициативу, Павлик почувствовал себя значительно уверенней.— Я вас слушаю... Как? Мария Владимировна? Слушаю вас, Мария Владимировна... Между прочим, я про вас тоже кое-что знаю. Имею точные сведения о вашем героическом прошлом. Да, от Нади. В общем, вы не беспокойтесь. Что? Передам! Привет!

Он положил трубку и ладонью вытер Наде глаза. Но это он сделал так, для порядка. Слезы высохли сами. Надя улыбалась Павлику, радостно удивляясь тому, как спокойно, по-мужски закончил он этот нелегкий разговор.

— Вот и все! — улыбнулся в ответ Павлик.— Поставил твою бабулю на место.

10

Девушка из приемной комиссии не спеша просматривала документы. Лицо у нее было строгое и усталое. Интересно, с чего это она устала, когда еще только утро.

Пришли бы они чуть пораньше и были бы первыми, а так им придется немного подождать. Рюкзак и Надин чемоданчик остались дома у тети Наташи. Сейчас в руках у Павлика был журнал «Знание — сила», который заменял ему портфель. В журнале лежали конверты с документами, в одном — его, в другом — Надины.

Девушка тем временем исполняла этюд на тему «Крайняя степень занятости».

Надя достала «шарик» и написала на обложке журнала «Очень она воображает». Павлик прочитал и кивнул: точно!

Перед девушкой сидел рыжий паренек. У него были румяные, пухлые щеки и брови домиком.

— У вас все в порядке, Букин. Можете быть свободны. Начало занятий первого сентября.

— Ясно.— Букин встал, надел свою белую шапочку с пластмассовым козырьком и, уходя, вспомнил: — Общий привет!

— Подходящая у парнишки комплекция,— заметил Павлик.— Как говорится, рожден для вашего дела.

Девушка из приемной комиссии возразила:

— Вы, между прочим, глубоко ошибаетесь. Вы считаете, если кондитер, значит, он обязательно толстый, да? Вы на кондитерской фабрике были когда-нибудь? Нет? А я была...

— С чем вас и поздравляю,— улыбнулся Павлик.

Открылась дверь, и из соседней комнаты выглянула женщина.

— Рая! Всех иногородних складывай в синюю папку! — приказала она и исчезла.

Надя и Павлик переглянулись. Они подумали об одном и том же: «Какое совпадение — и эту девушку тоже зовут Рая».

— Так вот, имейте в виду,— продолжала Рая,— тот, кто работает на кондитерском производстве, исключительно редко пробует свою продукцию. Ему подавай селедку, это он с удовольствием.

— Понятно. Контраст,— сказал Павлик.

— Вот именно.— Рая задержала взгляд на Павлике.— Пришли к нам поступать? — Она улыбнулась.

— Частично.— Павлик вынул из журнала конверт и отдал его Рае.

Она открыла конверт и заглянула в него.

— Что значит «частично», товарищ Коротеев?

— Стоп! Минуточку.— Он забрал у нее конверт и протянул другой — Надин.— Произошла небольшая ошибка. Виновные будут наказаны.

— Кто из вас подает документы? — спросила Рая, и Надя обратила внимание, что на ее лицо вернулось прежнее выражение.

— Фирсова Надежда,— сказал Павлик.— Проверьте, пожалуйста. Вот свидетельство о рождении, медицинские справки от врача-фтизиатра и от невропатолога, что Фирсова Н. психически нормальна и своих учителей не кусает...

— Может, мы дома будем шутить? — спросила Рая и почему-то сурово взглянула на Надю, как будто это она сказала про учителей.

— Вот характеристика,— продолжал Павлик,— документ об образовании, справка с местожительства и в награду за все — четыре фотокарточки...

Рая проверила документы, а фотокарточки не удостоила даже взгляда.

— Имею целый ряд вопросов.— Павлик чувствовал себя главным. Он вспомнил сейчас телефонный разговор с Марией Владимировной и был уже полностью готов разделить с ней ответственность за Надю.

— Какие у вас вопросы? — Она обратилась к Наде.— Вы-то почему молчите?

— Человек же говорит,— сказала Надя. Ее в эти минуты радовал и немножко веселил Павлик в роли наставника.

— Нас интересует...— начал Павлик.

— «Приехали»,— сделав ударение на последнем слоге, бросила ему Надя, и он улыбнулся в ответ, значит, понял.

— Откуда вы приехали?

— Из Озерска. Но это я просто так,— сказала Надя.

— Нас интересует следующее,— продолжал Павлик.— У вас все принятые обеспечиваются бесплатным питанием?

— Все,— сухо ответила Рая.

— А специальным обмундированием и денежным вознаграждением за производственную практику обеспечиваются?

— Да. Это написано в правилах приема.

«Поступал бы сюда Павлик,— подумала Надя,— эта Рая такая была бы любезная и, может быть, даже веселая. А сейчас держится официально: «да, да».

— Еще вопрос. Принятые в ваше профессионально-техническое училище обеспечиваются общежитием?

— Да.

Рая открыла синюю папку, в которую было приказано складывать всех иногородних, и сказала Павлику:

— Ваша фамилия Коротеев. А у меня подруга живет на улице Павла Коротеева...

Надя задумала: «Скажет он или не скажет?»

Павлик помолчал, потом спросил:

— И что же дальше?

«Ох, до чего же ты рисуешься перед своей девушкой,— думала Рая.— Слишком много ты о себе понимаешь».

— Может быть, это именно вы и есть Павел Коротеев? — с преувеличенным уважением спросила она.

— Нет. Это не я,— негромко ответил Павлик.— Правда, я тоже Павел, но я совсем другой Павел Коротеев.

— Ах, вон оно что. А я-то была уверена...

«Свою иронию можешь оставить при себе»,— подумала Надя и сказала:

— Улица Павла Коротеева, девушка,— вас, кажется, зовут Рая... Эту улицу, Рая, назвали в честь его деда, Героя Советского Союза.

— Правда?..— Рая даже покраснела.— Я не знала, даю честное слово!..

— Ничего. Все нормально,— сказал Павлик.

А Рая заглянула в свою синюю папку и впервые улыбнулась Наде.

— Вы знаете, Фирсова, наше ПТУ одно из лучших. Изделия наших учащихся получили премию на городском смотре. Вы... будешь очень довольна. У нас между прочим, есть консультант, он сейчас на пенсии — Кумушкин Яков Данилыч. Он на Всемирной выставке работал в городе Монреале. Два ордена имеет Трудового Красного Знамени. Так что ты у нас будешь в полном порядке.

Теперь она улыбалась и Наде и Павлику, как бы продолжая извиняться за свою неуместную иронию.

— Начало занятий — первого сентября. А вы, Коротеев, в другое училище подаете? Шли бы к нам. Вы куда надумали, если, конечно, не секрет?

— Вообще-то это секрет, но вам я скажу. В тридцать девятое.

— Знаю. На улице Ленина.

— Поучусь там, а если уж из меня мало-мальски толковый электромонтажник не выйдет, тогда приду к вам, буду учиться пироги печь.

— Вы, между прочим, напрасно смеетесь,— сказала Рая и, приглашая в союзницы Надю, добавила:— Объясни своему другу, что он все же недооценивает наше современное кондитерское производство. Насчет этого имеется неплохая басня Крылова. Ее нам прочитал Кумушкин Яков Данилыч. Вы, наверное, знаете: беда, коль пироги печет сапожник...

— Одно дело — сапожник,— начал было Павлик, но, глянув на часы, спохватился — время закругляться.— Разрешите, Рая, пожелать вам успеха в работе и в личной жизни.— Он пожал ей руку.

— Спасибо,— улыбнулась Рая.— До свидания. А с тобой, Надя, расстаемся ненадолго.

— Все нормально, Рая,— сказал на прощание Павлик.— Порядок в танковых войсках!..

Когда училище осталось позади, и, обогнув площадь, они пошли по бульвару, Надя сказала:

— Я смотрю, Коротеев, ты сегодня с самого утра все взял на себя. И все решал только ты один...

— Что ты имеешь в виду?— спросил Павлик, отлично понимая, о чем идет речь, и очень довольный, что Надя успела это заметить.

— Пожалуйста, могу сказать. Тете Наташе ты заявил — спасибо, мы позавтракаем в нашем кафе «Ландыш». А она хотела нас с тобой накормить, торопилась успеть пораньше, а ей нельзя сильно торопиться...

— Почему?

— Потому что она ждет ребеночка.

— Откуда ты знаешь?

— Я заметила. Ладно. Это раз. Теперь — в кафе ты поступил, как феодал...

— Ты про что говоришь?

— Про то, что ты взял две манные каши с маслом. А я не люблю манную кашу. Я ее дома никогда не ем. В этом отношении ты с бабушкой найдешь общий язык.

— Но ты же съела кашу.

— Съела. Чтобы ты не думал...

— В манной каше много витаминов, Надя. Даже полярники ее едят...

— Много ты всего знаешь,— сказала Надя и прищурилась. Было видно, что она готовится сделать выпад.

— Конечно, не так много, но стараюсь,— скромно сказал Павлик.

— Книга — источник знаний. Это у нас в библиотеке написано. Вот ты скажи, кто такой Кардамон?..

— Кардамон?..

«Ох, как было бы здорово, если б я с ходу ответил на этот вопрос. Фамилия совершенно неизвестная. Первый раз слышу. Кардамон, Гамильтон. Что-то иностранное».

— Ну что?— спросила Надя.— Не знаешь?

— Почему это я не знаю. Кардамон — это ученый. Не наш. Французский.

— Великий ученый?

«Ага, попал. Не в яблочко, но где-то поблизости».

— Не сказать, что великий, но ничего ученый...

Глаза Нади сияли веселым торжеством.

— Он такой великий ученый, что его даже в тесто кладут!

— Как — в тесто?

— А вот так! Как приправу, как специю.

Надя смеялась и хлопала в ладоши, а посрамленный Павлик бодро перевел разговор на другую тему.

— Хорошая сегодня погода.

— Молчи, Кардамон, попался!..

В ПТУ номер тридцать девять на улице Ленина в приемной комиссии документы принимал черноволосый, цыганского облика парень с длинными бакенбардами.

Когда очередь дошла до Павлика, «цыган», быстро завершив все формальности, чересчур заинтересовался Надей:

— Прошу предъявить документы.

— Уже,— сказала Надя.

— К нам?

— Нет. Не к вам.

— Зря. Нашли бы общий язык.

— А мы уже нашли,— спокойно сказал Павлик, и «цыган» сразу разобрался в обстановке.

— Вопрос ясен. Следующий!..

11

На эту улицу можно выйти по-всякому — и со стороны универмага по проспекту Кирова, и по бульвару, и через спортивный городок. Но особенно красивой открывалась она с набережной. И подниматься по ней лучше всего от реки, не идти, а именно подниматься, потому что уже через два или три квартала улица начинает плавно набирать высоту и приводит к обелиску Победы.

Так они и отправились по ней — от реки. Это была для них не просто прогулка, а нечто гораздо большее, потому что на каждом здании, на полукружии домового фонаря, читалась строка — улица Павла Коротеева.

Они шагали молча. Надя время от времени тайком посматривала на Павлика. «Вот сейчас,— думала она,— сейчас он изменится и станет другим, не таким, каким был час или два часа назад». А Павлик шел просто, как все люди, но Наде показалось, что он уже другой и сделало его таким близкое родство и причастность к тому, чьим именем названа улица.

Впереди сверкал обелиск Победы. Сделанный из металла, подсвеченный уходящим солнцем, он казался раскаленным.

— Знаешь, Павлик, о чем я сейчас подумала?.. Представь, если бы твой дед мог сейчас пройти с нами. Он бы шел и, наверно, всему удивлялся...

— Да,— кивнул Павлик.— Увидал бы вот, например, новую «Волгу», удивился бы. И «Москвич» и «Жигули». Ведь при нем этих машин еще не было. И новые дома, и все, что мы с тобой сейчас видим...

Павел помолчал, потом остановился и сказал:

— А больше всего, знаешь, чему бы он удивился?

— Чему?

— Этой вот табличке с названием улицы.

— Почему же? Он ведь герой...

— Да, герой. А улицам, городам и пароходам дают имена тех людей, которых уже нет... Крейсер «Киров», теплоход «Аркадий Гайдар»...

Обелиск Победы был уже совсем близко. К нему вела улица Павла Коротеева — широкая и прямая, как характер этого человека и вся его жизнь.

12

—...Так не бывает, чтобы все время людям везло. А если бы так было, это бы им не принесло пользы, а даже наоборот. Почему? А потому, что люди бы все обленились и ни к чему бы не стали стремиться. И правда, зачем? Все равно опять повезет, о чем мечтал — все сбудется, что хотел, то и получил. А вот если тебе вдруг не повезет, но ты человек упорный, настойчивый, у тебя сразу проявляется волевое начало, и ты добиваешься успеха. Это о чем говорит? Это о том говорит, что не надо в жизни разевать рот на все готовенькое. Понятно? А надо поработать, чтоб добиться своей красивой цели. Почему красивой? А потому что, если, например, охмурить кого-нибудь с одной только целью себе чего-нибудь заграбастать, то это уже будет не цель, а только одна нажива, которую лично я не приветствую и даже презираю...

Надя выслушала эту программную речь Павлика, после которой он отправился в соседний вагон.

Так вышло, что билеты им достались в разные вагоны, ей в шестой, а ему в седьмой. Павлик хотел успокоить Надю и сказал, что, мол, ничего страшного, проведем тринадцать часов в разлуке и встретимся опять. Надя сказала, что если ему так больше нравится, пожалуйста. Но Павлик не сразу ушел, он еще

успел сказать, что разлука — лучшая проверка, настоящее чувство или ненастоящее. А Надя сказала, что если кто нуждается в такой проверке, пусть проверяет. Тогда Павлик сказал: жди меня, и я вернусь. И действительно, через пять минут он вернулся с каким-то усатым товарищем в здоровущей кепке. Товарищ посмотрел на Надю, снял свою кепку и сказал: «Пойдем вам навстречу, сделаем обмен по системе — так на так». И тогда Надя ушла с Павликом в соседний вагон.

Теперь, когда они были рядом, на двух верхних полках, Надя спросила:

— Как же ты его уговорил перейти в мой вагон?

— Я сказал ему: товарищ, пойдите мне навстречу, поменяйтесь со мной местами. Он спрашивает: какие у тебя основания? Я говорю: у меня там ребенок едет. Он спрашивает: сколько лет ребенку? Я говорю, маленький ребенок, она еще только учиться пойдет, очень вас прошу. Говорю, а сам смотрю на него и слегка гипнотизирую...

— Ты умеешь гипнотизировать?

— Запросто. А ты разве не заметила? Если бы я не умел гипнотизировать, мы бы с тобой сейчас ехали не вместе, а врозь.

Надя улыбалась, и Павлик понял, что если она даже ему и не поверила, то она все же не исключает такой его удивительной и редкой способности.

— Я не только ему мысленно приказал выполнить мое желание, я его еще и усыпил...

— Как?

— А вот так! Сейчас-то он, возможно, еще не спит, но он заснет.

— Конечно, не сразу,— улыбнулась Надя,— а попозже, поближе к ночи.

— Точно!

Лежа на своих полках, они говорили негромко, чтобы не помешать соседям — старичку в полосатой пижаме и его лысому партнеру, которые раздобыли шахматы и играли уже вторую партию.

— Тебя будет кто-нибудь встречать? — спросила Надя.

— Навряд ли. А зачем?

— Бабушка не утерпит. Она непременно придет на вокзал...

— Ты уверена?

— Но ты же сам просил, чтобы она нас встретила.

— Мало ли что я просил.

— Ты даже представить себе не можешь, какая она любопытная.

Они немножко полежали просто так, ни о чем не говоря. Павлик, свесив голову, посмотрел на доску, на расположение фигур, и потом сказал:

— Надя...

Она молчала.

— Надя, ты меня слышишь?.. Надя!

— Аюшки,— ответила Надя. Это было не ее словцо, так иногда отзывалась бабушка.

— Как ты думаешь, как у нас с тобой будет дальше?..

— Не знаю... Вернемся в Озерск...

— Но ведь ненадолго же.

— Почему?

— Скоро нам обратно. Один ребенок пойдет учиться и другой за ним...

Надя смотрела на Павлика. Она ждала от него такого вопроса, на который можно ответить просто: да или нет.

— Ну, как у нас все будет?

— А ты бы как хотел?

— Я бы хотел, чтобы у нас и дальше так было.

— И я,— сказала Надя.

— Ха-ха-ха! Хо-хо-хо! — громко рассмеялся старичок.— Поздравляю. Ваш ферзь на этом свою работу заканчивает.

— Можно тебя пригласить? — спросил Павлик.

— Куда? — удивилась Надя.

Павлик подтянулся на локтях, опустил окно и высунул голову наружу.

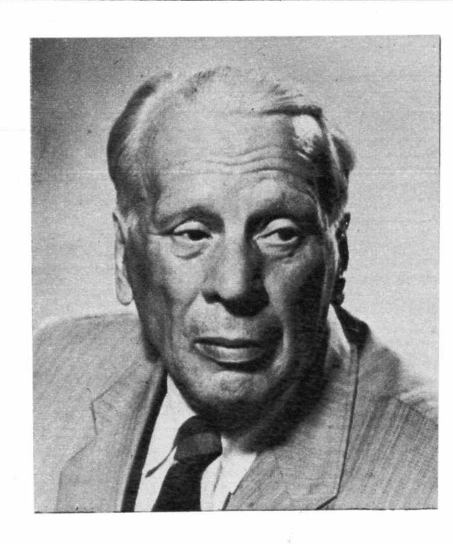
— Выходи гулять!..

Надя тоже высунула голову, и ее волосы сразу же спутал ветер.

Поезд влетел на мост.

— Целую крепко, Надя,— сказал Павлик. Тогда, у тети Наташи, в ванной шумела вода, а сейчас гулко гремели колеса. Но Надя улыбалась.

Она слышала. Она все слышала.

К 75-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
МИХАСЯ ЛЫНЬКОВА

НА ВЫСОКОЙ ВОЛНЕ

Время уже давно побелило его голову, избороздило морщинами крупное лицо. За плечами у народного писателя Белоруссии Михаила Тихоновича Лынькова — большая жизнь ровесника века, участника многих происходивших за эти десятилетия исторических событий, жизнь неутомимого труженика литературы, ученого, общественного деятеля.

В середине двадцатых годов М. Горький писал одному из своих корреспондентов: «Нашей стране нужны тысячи писателей, и вот они идут. Неуклюже, крикливо, но — смело и с большой силой». В ту именно пору среди тех тысяч шел в белорусскую литературу и Михась Лыньков, чья биография была весьма характерной для первого поколения советских писателей. Сын железнодорожного рабочего-ремонтника, в годы революции он сельский учитель и организатор деревенской бедноты во всех начинаниях Советской власти. Во время кайзеровской оккупации Белоруссии — один из создателей партизанского отряда на Гомельщине. Красноармеец, сражавшийся против легионов Пилсудского и банд Булак-Балаховича. Продотрядовец. Организатор народного образования. Селькор. Сотрудник бобруйской окружной газеты, а вскоре ее ответственный редактор.

Богатый жизненный опыт, приобретенный уже к началу писательского труда, постепенно превратится в сюжеты и образы рассказов, очерков и повестей, которые поставят Михася Лынькова в ряд виднейших белорусских прозаиков, сделают одним из зачинателей советской белорусской литературы.

В начале тридцатых годов Михаил Тихонович уже руководит БелАППом, редактирует ведущий литературный журнал республики «Полымя рэвалюцыі» («Пламя революции»), возглавляет подготовку к созданию Союза писателей республики, работает секретарем, а потом в течение нескольких лет — председателем его правления. Продолжением литературных забот стала и научная деятельность Михаила Тихоновича — в 1936 году он избирается членом-корреспондентом, а в 1953 году — академиком республиканской Академии наук.

Революция, героика гражданской войны, глубокие социальные и духовные преобразования народной жизни в годы социалистического строительства — все то, что определяло «становой хребет» довоенной белорусской, как и всей советской, литературы, нашло в творчестве М. Лынькова, в его многочисленных книгах рассказов и повестей яркое и своеобразное выражение. И больше всего писателя радовало «выпрямление личности», рождение нового человека в условиях революционной борьбы и социалистического труда и быта. Отсюда такие сильные романтические краски в его творчестве, такое открытое любование своими героями, ощущающими всю полноту бытия. Такое органическое сочетание

Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ

ВСЕ-ТАКИ ВЫИГРАЛ...

Никогда нельзя быть ни в чем уверенным, пока не послушаешь, что об этом люди скажут. Уж вроде бы на что у Парменова Вадима фигура замечательная была — ну, не человек, а просто гладиатор. У него так и номер в цирке назывался — «Бой гладиаторов». Свет, бывало, на арене погасят, только одно пятно красное оставят посередине. А в этом пятне — он, Вадим, со своим напарником как вкопанные стоят, не шелохнутся. Позы у них, конечно, самые что ни на есть благородные. О сложении и говорить нечего — богатыри! У каждого — мускулов по два комплекта, а то и больше. Оба красавцы писаные. Лица — словно точеные.

Ну вот Парменов и решил, что достиг он физического совершенства, что сам Аполлон ему теперь в племянники годится. До чего дело дошло: поспорил Вадим с каким-то своим знакомым, что встанет он в парке на пьедестал и никто его от статуи не отличит.

Сказано — сделано. Пришел он в парк с утра пораньше, выбрал постамент, на котором только чья-то бегущая нога оставалась, а все остальное отломано было, столкнул эту ногу и сам на ее место водрузился в позе физкультурника. А приятель тут же неподалеку стоит и наблюдает.

Вскоре и посетители стали подходить. Иные идут, ничего не замечают, словно бы так и надо. Другие останавливаются, фамилию скульптора на пьедестале ищут. Одна парочка даже сфотографировалась на фоне Парменова. Он уже слезать хотел: дескать, дело в шляпе, спор выигран, но тут еще какая-то компания к Вадиму приблизилась и давай его разглядывать.

— Ну, новую халтуру соорудили! — говорит худой мужчина с толстым портфелем.— За что только этим скульпторам деньги платят! Вы посмотрите на статую: это же сплошное безобразие! Одна рука короче другой, нога вообще не в том месте, где нужно. А нос? Разве у нормальных людей бывают такие носы?! Весь какой-то перекошенный, вывернутый. Черт знает что такое!

Парменов стоит ни жив ни мертв. Приятелю жалко его стало, заступиться решил:

прозы и поэзии жизни, лирики и юмора, «серьезности» и «балагурства».

Писатель с острым чувством самых важных требований времени, он всегда одним из первых брался за новые темы и образы.

Так он стал автором многих лучших в белорусской литературе рассказов о войне, написанных в годы самой войны. Так он еще в ту пору, когда борьба с гитлеровскими захватчиками только входила в силу, понял, что события, происходящие на родной белорусской земле, потребуют от литературы масштабных эпических полотен, и смело взялся за эту грандиозную, поистине подвижническую работу.

Это был роман «Незабываемые дни», первую половину которого мы читали уже вскоре после окончания войны, на исходе сороковых годов. В полном объеме он появился еще спустя десять лет — четырехтомная эпопея, развернувшая перед нашим взором всеобъемлющую панораму жизни и борьбы белорусского народа в черные годы гитлеровской оккупации, панораму всенародной войны, в которой проявились все самые лучшие качества народного характера, сложившиеся и созревшие в годы Советской власти.

Уже в немолодые годы Михаил Тихонович объездил много зарубежных стран, возвращаясь оттуда с очерками, статьями, рассказами из жизни других народов. Это тоже черта его неутомимого характера, пример общественной активности советского писателя, живущего интересами мира и дружбы между народами. Неоднократно участвовал он в работе Генеральной Ассамблеи ООН, начиная с ее учредительной конференции в Сан-Франциско. И повсюду его, писателя-гуманиста, глубоко интересовал вопрос, «что происходит в современном мире и куда этот мир идет», повсюду он убеждался в неотвратимой поступи прогресса, в наступательной силе идей социализма и мира, маяком которых являются «наша Советская страна, наши советские люди».

Пусть же еще долго и крепко держит трудолюбивая рука Михаила Тихоновича перо художника — певца революции и окрыленного ею народа. Новых вам книг, наш старейший мастер, чародей народного слова!

Н. ПАШКЕВИЧ

— Зря вы статую хаете! Я считаю, очень даже неплохое произведение искусства...

Мужчина с портфелем так и взвился:

— И это вы называете искусством! Я вас спрашиваю, где вы видели таких уродливых физкультурников? Да он же с такой кривобокой фигурой и шагу не сможет сделать, а не то что спортом заниматься! Все пропорции смещены, голова клином, ножки — как палочки! Дунь на него — он и упадет!

— Не упадет, — возражает приятель.— Я это точно знаю.

— Вы так говорите, потому что в изобразительном искусстве не разбираетесь,— осадил его мужчина.— По-вашему, немножко на человека похож — и ладно! А что у него совсем шеи нет, а рука из живота растет — на это вам наплевать! Занимайтесь уж лучше своим делом, в домино вон подите поиграйте, а о пропорциях судить предоставьте сведущим людям!

Плюнул мужчина на пьедестал и вместе со своей компанией дальше пошел.

Спор Парменов у приятеля все-таки выиграл.

ТЕАТР

ТЕПЛЫЙ СВЕТ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Т. Бестаева в роли Раисы Андреевны, Л. Марков — Батурин.
Фото В. Петрусовой.

Н. ЛЕЙКИН

Когда драматургия и театр творят жизнь непридуманную, не подменяя реальную остроту конфликтов искусственным нагнетанием мрака, когда на сцене воссоздается современная действительность на ее главных, решающих направлениях, в созидательном размахе и в живых, полнокровных человеческих характерах, а не умозрительно сконструированных схемах, то в зрительном зале возникает атмосфера чуткой ответной заинтересованности, взволнованного сопереживания... Это и подтверждается спектаклем Государственного академического театра имени Моссовета «Арктический роман».

Не определишь однозначно его тему, его проблематику, природу его конфликтов. Можно сказать, что это спектакль о неудержимой поступи научно-технической революции в нашей жизни. Но можно сказать, что это спектакль о проблемах современной семьи, где и жена и муж — личности равно творческие, равно устремленные к наивысшей общественной и профессиональной активности... А еще можно сказать, что это спектакль о Любви. И о всепоглощающей, пылкой юношеской, взаимной любви и о любви затаенной, зрелой, но неразделенной...

Вот в такой сложный, неразъемный узел сплетаются тематические и сюжетные, социальные и нравственные, личные и общественные линии и мотивы «Арктического романа».

Скрестились они все на далеком Груманте, на угледобывающем руднике, где в суровых условиях Заполярья живут и работают, спорят, радуются, печалятся, ищут и находят себя люди — самые разные... Разные — по возрасту, по жизненному и нравственному опыту, по образованию, характеру и склонностям. Но единые по своему мироощущению, по своей преданности делу, которому они служат.

Это единство и выявляет постановщик спектакля А. Зубов, подчеркивая его даже в столкновениях героев, порой очень острых и резких.

«Арктический роман» — драма. Прозаик В. Анчишкин и драматург И. Рубинштейн, создавшие пьесу по мотивам одноименного романа В. Анчишкина, не случайно дали ей это жанровое обозначение. Многие ситуации и коллизии пьесы исполнены истинного драматизма, выражают глубокие и серьезные переживания героев. Ведь жизнь отнюдь не всегда безоблачна и радужна, и уж, конечно, весьма драматичен процесс рождения нового, борьбы нового со старым.

Этот процесс связан и со сменой поколений. Но, показывая его — достоверно, без прикрас, без сглаживания острых углов,— и авторы пьесы и театр подчеркивают в нем прежде всего проблему преемственности поколений, их живой связи.

Театр не скрывает ошибок начальника рудника Батурина. Но и не зачеркивает его больших заслуг перед Родиной. У него есть чему поучиться! Поэтому-то и не пренебрегают батуринской наукой, опытом Батурина и его преемник Романов—А. Антосевич и молодые горные специалисты, вполне современные ребята,— умные, веселые, охочие до работы: Володя Афанасьев — Л. Фомин и Гаевой — Ю. Кузьменков.

Батурина играет Л. Марков. Играет размашисто, крупно, ярко, раскрывая самобытную незаурядность этой сильной и цельной натуры, сочно оттеняя человеческую характерность героя. Режиссер и артист ни в чем не амнистируют Батурина, но и они любуются этим большим, красивым человеком, не оставляя никаких сомнений в том, что герою предстоит еще многое совершить на пользу стране и народу.

Несмотря на скупость драматургического материала, артист Г. Некрасов в роли заместителя министра Афанасьева создал интересный, человечески выразительный образ. Очень привлекательны женские образы спектакля. Это жена Романова, обаятельная и тонкая женщина, хирург Раиса Андреевна Т. Бестаевой. Это верная помощница Батурина, повсюду следующая за ним, еще с фронтовых лет — Шестакова О. Калмыковой. Это, наконец, совсем юная, озаренная счастьем первой любви медсестра Оля В. Каревой... Все — разные. И все привлекательны, умны, добры, каждая по-своему...

В № 1 «Огонек» начинает печатать роман донецкого писателя Алексея Ионова «Зарево над Донбассом».

БАКУ

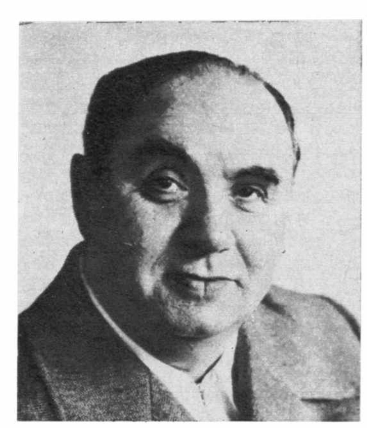
ПУТЕШЕСТВИЕ В КАМЕННЫЙ ВЕК

Пятнадцатый сезон ведет раскопки на юго-востоке Азербайджана археологическая экспедиция Института истории Академии наук республики. Обнаружив Азыхскую пещеру эпохи далекого палеолита, разведчики прошлого сделали множество интереснейших открытий. Этот памятник древнейшего периода каменного века состоит из шести залов с многочисленными входами и выходами, сложными лабиринтами. Самый большой из них занимает три тысячи квадратных метров.

В конце шестидесятых годов азербайджанским ученым удалось обнаружить в так называемом ашельском слое археологической культуры нижнюю челюсть раннего неандертальского человека. Подобная находка была сделана чуть позже и во Франции. Это позволило историкам выдвинуть гипотезу: примерно 250—300 тысяч лет назад в этой пещере была стоянка древнего человека, охотившегося на зверей и добывавшего огонь для приготовления пищи и обогревания.

— Стабильные раскопки подземного музея,— рассказывает руководитель экспедиции кандидат исторических наук М. Гусейнов,— приближают к нам тайны далекого прошлого, позволяют создать антропологический портрет человека каменного века, судить о его быте, повадках и образе жизни. В прошлом году мы нашли в одном из многоярусных слоев ашельского периода каменную кладку фундамента древнейшего жилища. По мнению известного советского ученого, академика А. Окладникова, сделано интересное открытие, свидетельствующее о том, что территория Азербайджана еще в раннюю пору каменного века была одним из очагов формирования человека.

Г. ПОГОСОВ

ПАМЯТИ ДРУГА

Советская журналистика понесла тяжелую потерю — умер один из старейших советских репортеров Яков Аркадьевич Милецкий.

Яркий след оставил в нашей жизни этот талантливый человек. Многие километры пройдены им в поисках интересного, важного, значительного, о чем бы следовало рассказать людям. Сотни репортажей, корреспонденций, информаций написаны им за его долгую жизнь.

Он был в числе тех, кто закладывал основы советского репортажа — жанра, требовавшего от журналиста политического чутья, зоркого глаза и, конечно же, горячего сердца.

Все эти качества были присущи коммунисту Якову Милецкому. Он начал свою журналистскую работу в 1923 году в газете «На вахте». В газетах «Рабочая Москва», «За индустриализацию», «Гудок», «Красная звезда» — в этих редакциях шлифовалось мастерство, набирал силу талант мужественного репортера. В пору войны с белофиннами он был корреспондентом армейской газеты «Героический поход». Великую Отечественную войну корреспондент «Красной звезды» Я. Милецкий встретил на передовых позициях, и с тех пор с разных фронтов шли в редакцию по телефону, телеграфу, самолетом, попутной машиной страстные, боевые его репортажи. Не раз попадал он в тяжелые переделки, был ранен, но не покинул своего поста, остался на фронте, в боевом строю.

Военный корреспондент «Красной звезды» Я. А. Милецкий был награжден орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды.

После войны Яков Милецкий приходит в «Огонек» и отдает себя без остатка служению любимому делу. Он всегда был среди людей, он всегда трудился для людей. В этом была цель его жизни.

Таким мы и запомним Якова Милецкого.

К. БАРЫКИН

ЗАПЛАНИРОВАННАЯ КЛЯКСА

В 1871 году Афанасий Фет отправился в ближайшую лавку—за чернилами. «Хоть плачь, хоть требуй благородно, хоть их беси, дают чернил каких угодно, да не «плесси»,— сетовал поэт в письме к своему петербургскому знакомому.

Более века спустя поехал я по московским магазинам искать чернила «радуга». Не ту «радугу», о которой справедливо идет недобрая молва, а «радугу-2»...

— Что-то нам такие чернила неизвестны...— сказали в одном, затем во втором магазине.— Да купите обычную «радугу», какая разница?

Но в том-то и дело, что привычной, стоящей на всех прилавках «радугой» заправлять авторучку нежелательно. В этом я убедился еще раз, побывав на заводе пишущих принадлежностей, где был свидетелем странной процедуры: оперировали авторучку. Ее прислал один из покупателей и в сопровождающем письме в сердцах высказал все, что думает по поводу сего изделия: «Хоть бы иногда писала...» На заводе и попытались что-нибудь этой ручкой написать — не получается, одни царапины на бумаге.

— Клинический случай,—грустно пошутил кто-то. Но предстояло заполнить «историю болезни». Тончайшая фреза аккуратно вскрыла баллончик, обнажила капилляры.

— Опять чернила нашкодили! Известное дело — «радуга».

Заглянул я внутрь баллончика, а там вместо живительной струйки чернил похожие на подсыхающий гуталин «отложения».

«Радуга» уже успела извести тысячи авторучек. Ей безразлично, какую портить — дорогую, с золотым пером, или простенькую, тридцатипятикопеечную. А сколько она оставила клякс в ученических тетрадях! Сколько огорчений принесли эти чернила тем, кто вынужден пользоваться ими,— других-то нет!

Поэтому с такой признательностью несколько лет назад было встречено сообщение, что разрабатываются новые рецепты чернил. После публикации «Огонька» «Мытарства шариковой ручки» из Министерства химической промышленности нашей редакции сообщили, что за два года (за период с 1968 по 1970 г.) проверено в производственных условиях 40 рецептов чернил...» А в одной из реклам даже появились такие строки: «Всем известные чернила «радуга», к сожалению, уступали мировым образцам, но теперь,— бодро и безответственно продолжала реклама,— такому положению пришел конец. Производство чернил «радуга-2», качество которых выше прежних, начнется уже в этом году». Имелся в виду год 1973-й. А прилавки-то знай себе ломятся от пузырьков со старой, никудышной «радугой».

Наш могилевский читатель С. Моисеев прислал в редакцию письмо: «Скорее всего в чернилах происходит загадочный процесс старения (происходит он довольно быстро), который приводит к выпадению осадка, если даже чернила профильтрованы. Скорее всего причина — в рецептуре чернил... Чернилами довоенного выпуска можно было писать месяцами. Неужели химия тут сделала изрядный шаг назад? Может быть, утрачен старый рецепт, как это случилось с секретом «греческого огня»? Трудно поверить, что «чернильные» химики так подкачали...»

И вот я беседую с директором Научно-исследовательского института органических полупродуктов и красителей К. М. Дюмаевым. Напоминаю ему, что еще три года назад «Огонек» получил из министерства следующее заверение: «После окончания испытания чернил и обсуждения результатов с Минприбором будут отобраны лучшие рецептуры, по которым будет организовано производство чернил улучшенного качества».

— Сейчас разработана рецептура и технология изготовления чернил «радуга-2»,— отвечает тов. Дюмаев.— Они отвечают самым высоким требованиям, не уступают лучшим зарубежным образцам. В чернила, в частности, вводится добавка, которая смывает сухой остаток.

Значит, технология есть? А где же тогда чернила? Технологию ведь в авторучку не зальешь... Министр химической промышленности Л. А. Костандов 2 августа 1971 года подписал специальный документ, которым обязал начальника Союзанилпрома Ю. Н. Шанина и директора института К. М. Дюмаева «провести необходимые работы, обеспечивающие начиная с 1972 года выпуск чернил для перьевых авторучек, растворяющих сухой остаток на пере...».

— Почему же эти чернила до сих пор не выпускаются? — спрашиваю заместителя начальника Союзанилпрома П. А. Кочергу.

— Задерживалась разработка, а теперь отстает внедрение... В основном «радугу-2» должны делать предприятия Союзбытхима и немного пермский завод нашего объединения. Намечены мероприятия, но должен сразу сказать — из Перми нужного количества не получим, у них нет линии расфасовки...

Там же, где «радугу-2» уже производят, выпускаются флаконы только с ярко-синими чернилами. Палитра «радуги» пока не очень-то щедра. А где же черные, просто синие, спокойные, где зеленые?

Неужто академики, школьники, бухгалтеры, студенты и вообще весь пишущий народ должны ждать еще несколько лет? Не разумнее ли снять с производства «радугу» прежнюю, а освободившиеся мощности использовать для выпуска новой? «Радуга-2» пока производится явно в недостаточных количествах.

Кстати, о самом названии. «Радуга» так скомпрометирована своим плохим качеством, что тень ее непременно падет на «радугу-2». Уже пала. Ведь продавцы же не делают различия между «р» без индекса и «р-2».

КРОССВОРД

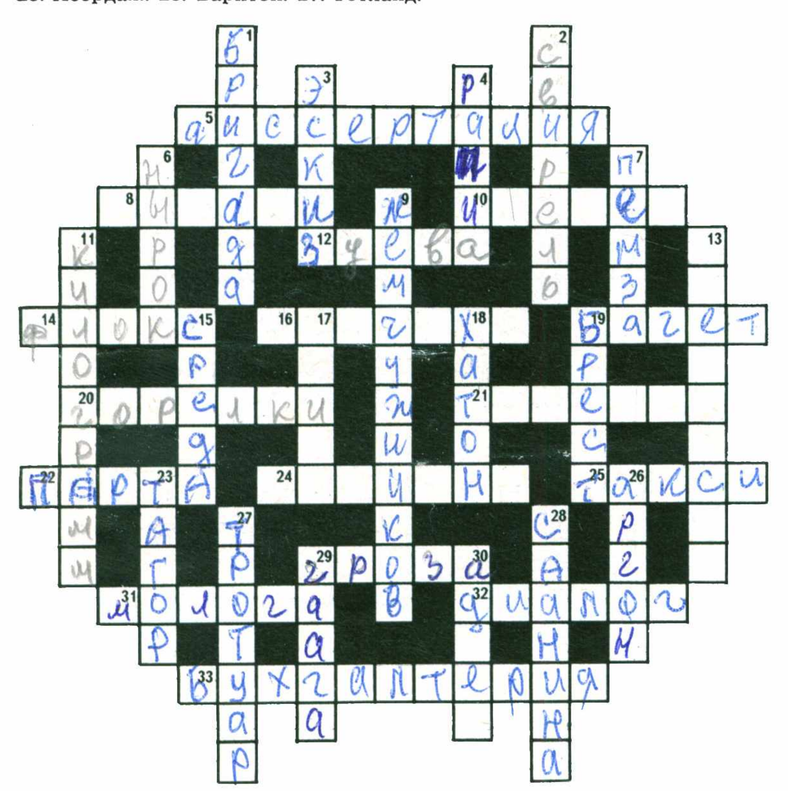
По горизонтали: 5. Научная работа. 8. Столица Руанды. 10. Растение семейства бобовых. 12. Актриса МХАТа, народная артистка СССР. 14. Цветок. 16. Приток Колымы. 19. Планка для рам и карнизов. 20. Русская народная игра. 21. Автор памятника Б. Хмельницкому в Киеве. 22. Школьный стол. 24. Рыба семейства карповых. 25. Вид городского транспорта. 29. Пьеса А. Н. Островского. 31. Река, впадающая в Рыбинское водохранилище. 32. Разговор между двумя или несколькими лицами. 33. Счетный отдел на предприятии, в учреждении.

По вертикали: 1. Небольшой производственный коллектив. 2. Духовой народный инструмент. 3. Предварительный набросок рисунка. 4. Холодное оружие. 6. Птица семейства утиных. 7. Горная порода, применяемая для полировки, шлифовки. 9. Русский поэт, выступавший под общим псевдонимом Козьма Прутков. 11. Единица веса. 13. Экваториальное созвездие. 15. День недели. 17. Музыкальное произведение. 18. Административно-территориальная единица в МНР. 19. Областной центр в Белоруссии. 23. Индийский писатель. 26. Химический элемент. 27. Пешеходная дорожка. 28. Основная корпусная часть машины. 29. Город в Нидерландах. 30. Персонаж романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 51

По горизонтали: 7. Кербабаев. 8. Волгоград. 9. Бейсбол. 11. «Ревизор». 12. Водолей. 14. Олифа. 16. Микенас. 18. «Выстрел». 19. Станиславский. 22. Кларнет. 23. Архипов. 24. Осина. 28. Васюган. 29. Морфема. 30. «Электра». 31. Милитриса. 32. Балластер.

По вертикали: 1. Швартов. 2. Фронтон. 3. Венявский. 4. Серебро. 5. Морошка. 6. Факультет. 10. Семипалатинск. 13. Рессора. 15. Стейниц. 17. Сонет. 18. Весна. 20. Глоксиния. 21. Конвертер. 24. Окулист. 25. Абордаж. 26. Баритон. 27. Готланд.

На первой странице обложки: Друзья.

На последней странице обложки: Здравствуй, солнце! Фото В. Чин Мо-цая (на фотоконкурс, г. Норильск).

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 2/XII—1974 г. А 00685. Подписано к печ. 17/XII—1974 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2974. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 3042.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

На всю семью.
Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

«Морж»: — Спасите меня, я вмерз.

Без слов.

Сервис для рыболовов.
Рисунки Б. БОССАРТА.

— Кто разрешил отцу мыть паркет!
Рисунок В. ВОЕВОДИНА.

Фото Е. УМНОВА.

Джаффа Анвар Бей Хан, известный миру как Роберт Джоффри, начал учиться танцу в возрасте двенадцати лет в своем родном городе Сиэтле, штат Вашингтон. В 1949 году девятнадцатилетний танцовщик успешно дебютировал в «Парижском балете Ролана Пети», а уже через несколько лет создал свою балетную школу. Работа в качестве педагога, директора, хореографа и неустанного искателя и открывателя талантов принесла Роберту Джоффри заслуженную славу и репутацию признанного мастера американского танцевального искусства.

В 1956 году их было всего шестеро артистов, собранных вместе энтузиазмом Роберта Джоффри, но в последующие годы количество исполнителей возросло до двадцати шести. Труппа окрепла, репертуар ее расширился, насчитывая уже шестнадцать спектаклей. Помимо гастрольных поездок, артисты Джоффри в течение семи лет выступали в качестве постоянной балетной труппы Нью-йоркского городского оперного театра. Уже тогда в работе Роберта Джоффри утвердился и окреп один из основных его принципов: отказ от «звездной» системы. Его артисты не делятся на звезд и кордебалет — здесь царит своеобразная балетная демократия. Звезд нет, а в то же время каждый из членов коллектива — звезда... Балерина, исполняющая в сегодняшнем спектакле ведущую партию, на следующий день может выступать в том же спектакле в самой скромной роли, и наоборот. Такой подход позволяет каждому артисту в полной мере раскрыть свое дарование, и постоянный приток молодежи в труппу Джоффри именно этим и объясняется.

«Вива Вивальди!»

ТАНЦУЕТ «СИТИ СЕНТЕР ДЖО

Большим событием в жизни балета было выступление в Белом доме по приглашению президента Кеннеди в 1963 году. За ним последовало и первое гастрольное турне труппы по городам СССР.

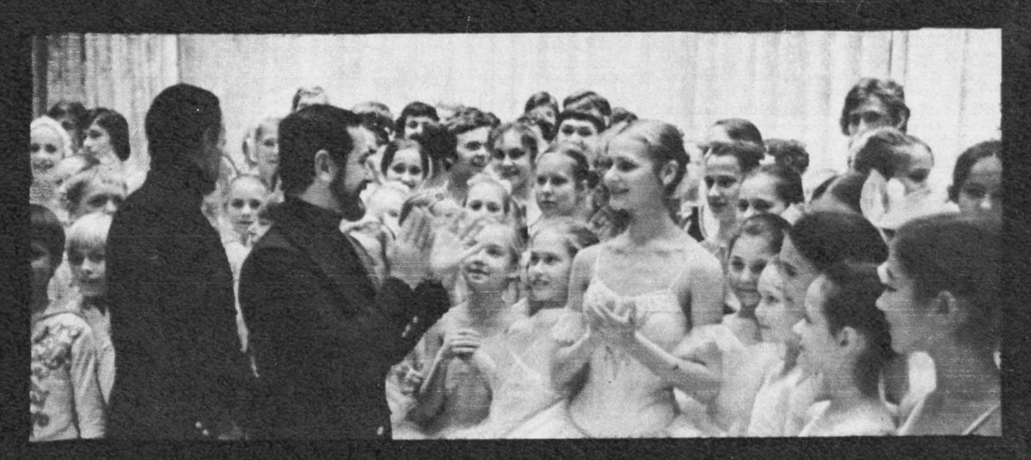
В программе «Сити Сентер Джоффри Балет» сейчас произведения 38 композиторов; причем Роберт Джоффри уделяет внимание и старому и новому балету.

В Ленинграде и в Риге, в Вильнюсе и в Москве американские гости не только выступали на сцене — они встречались с советскими людьми, знакомились с их жизнью.

— Конечно,— говорит Роберт Джоффри,— турне было очень напряженным, а сроки очень сжатыми. Но программа в каждом городе оставалась насыщенной встречами. Часто зрители после спектакля приходили к нам и трогательно благодарили нас. Ни в одной из многих стран, которые посетил наш балет, не приходилось слышать таких теплых и сердечных слов.

Особое впечатление на американских артистов, и в частности на самого Роберта Джоффри, произвело посещение Хореографического училища Большого театра СССР. Человек, отдавший педагогической работе в балете четверть века своей жизни, как никто другой мог оценить условия, созданные в Москве для юных танцовщиков. «Когда приходишь в класс,— говорит Джоффри,— и видишь прекрасную подготовку детей, мечтаешь, чтобы и у нас было так же. Наши классы, к сожалению, переполнены, иногда до тридцати человек, а надо не больше двенадцати, как в Московской школе. Ведь каждый ученик требует индивидуальной программы занятий...»

Ю. ЗАРАХОВИЧ

Балетмейстер труппы Джералд Арпино и Роберт Джоффри в Московском хореографическом училище.

«Воспоминания».

ФФРИ БАЛЕТ»

Роберт Джоффри (слева) и главный балетмейстер Большого театра Юрий Григорович.

«Троица».

Кристиан Холдер в «Кейкуоке».

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663